

Таких не убивают

Автор:

[Кир Булычев](#)

Таких не убивают

Кир Булычев

Река Хронос #8

Кир Булычев, известный своей фантастической и исторической прозой, выступает на этот раз автором занимательного детективного романа. В подмосковном дачном поселке убит писатель Сергей Спольников. Неожиданные открытия делают вместе с читателями сотрудниками милиции и друзья убитого, разгадывая тайну этого необычного преступления.

Кир Булычев

Таких не убивают

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Более мирного начала для этой истории нельзя придумать. Лидочка лежала в самом настоящем гамаке и щурилась от пятнышек солнца, которые попадали в глаза, когда слабый ветерок покачивал вершины сосен или подталкивал гамак. Деловитая пчела сделала круг над гамаком, но не стала пугать Лидочку, а умчалась дальше. Синичка давно уже сидела на тонкой ветке и разглядывала Лидочку. Ну и что она могла разглядеть? Женщину лет тридцати, с пепельными, с такими уродилась, умеренно стриженными и чуть волнистыми волосами, синеглазую, именно синеглазую, а не сероглазую или не голубоглазую, что

бывает куда чаще, пожалуй, слишком бледную для июля, но так уж получилось, что Лидочке не довелось в этом году побыть на открытом воздухе. Даже к Глущенкам она выбралась впервые за лето, хоть тысячу раз обещала.

На Лидочке был голубой в белый горошек сарафан, а босоножки она сбросила, когда забиралась в гамак.

«Как хорошо, – подумала Лидочка, – когда ничего не случается. Ты здорова, все родные здоровы, друзья живы, и шумят сосны...»

– Лида, – позвала Итуся, – ты пойдешь или останешься?

Вопрос был риторическим. Глущенки собирались к Сергею именно потому, что эту идею подала им Лидочка. Она приехала утром и в разговоре упомянула Сергея, Глущенки сказали, что не были у него недели две, хоть он и снимает дачу в десяти минутах ходьбы. А теперь, раз Лидочка приехала, можно навестить ее старого приятеля. Лидочка послужила тем камнем, что вызывает, упав, круги в мирном водоеме. Без нее Глущенки провели бы воскресенье в милом безделье, отложив назавтра хозяйственные заботы. Вопрос Лидочки о Сергее напомнил Жене, что в холодильнике стоит неостребованная за отсутствием компании бутылка водки, а Лидочка привезла торт, который все равно втроем не одолеть. Итуся, не признаваясь никому, рада была не готовить обед: все решили, что поход к Сергею – лучшее времяпрепровождение для воскресного, к счастью, не очень жаркого дня.

Так и пошли, впереди Пуфик, неизвестно какой породы существо, имеющее звание тибетского терьера, затем Лидочка с тортом, Итуся с овощами со своего огорода, а потом Женя с сумкой, в которой таилась заветная бутылка и кое-какие закуски, обнаруженные в холодильнике.

Дачные соседи имеют преимущество – не надо созваниваться и сговариваться, чтобы прийти в гости.

Перешли железную дорогу, которая отделяет поселок старых большевиков от зимнего поселка с той стороны, где санаторий. Потом миновали Дом художников, замерший в ожидании обеда, а может, потому, что все его обитатели были на этюдах. От клуба повернули направо, на Школьную улицу. Там в доме пять жил, вернее, снимал дачу у каких-то неизвестных Глущенкам

людей Сергей Спольников, потому что у него в то лето было много работы и было желательно оказаться, с одной стороны, близко от железной дороги, чтобы посещать Москву, а с другой – уединиться на свежем воздухе и не отвлекаться на телефонные звонки, разговоры, визитеров, мелкие, но почти обязательные дела и встречи.

Но летнее воскресенье – день святой, так что вряд ли Сергей будет работать. В крайнем случае, решили Лидочка с Глущенками, пожелаем человеку успехов и унесем торт обратно.

Вот он, голубой забор, третий дом от угла, облезлый почтовый ящик, запущенный участок – зелень переплескивает через забор, канава заросла крапивой в человеческий рост.

Калитка была не заперта, они прошли по узкой асфальтовой дорожке и повернули не налево к двери, а направо вдоль фасада, куда выходил мезонин, к террасе, оттуда доносились голоса, и это значило, что у Сергея гости. Тем лучше.

Терраса была небольшой и уютной, стекла на ней были в частых переплетах, и это, как и резные голубки на наличниках, напоминало о почтенном возрасте дачи.

Глушенко, который здесь уже бывал, толкнул дверь, вошел первым, словно втайне опасался, нет ли тигра в пещере, и громко спросил:

– Гостей принимаете?

Женщины вошли следом за Женей.

На веранде стоял стол, накрытый светлой клеенкой, на ней стоял чайник, чашки, бутылки с минералкой, миска с вареной остывшей картошкой, блюдо с нарезанной селедкой. словно те, кто собирались здесь, не решили еще, то ли им приступить к обеду, то ли ограничиться чаем.

Сергей был рад гостям и сообщил об этом бесхитростно:

– Все равно день погиб. Давайте его используем для чревоугодия.

Обоих гостей, пришедших раньше, Лидочка знала. Главным гостем был Валентин Вересков, уютно журчащий добродушный мужчина пожилых лет, хороший детский поэт. Что бывает редко с детскими поэтами, он был известен и среди взрослых, так как его стихи были коротки, парадоксальны и не лишены юмора. Валентин также знал Лидочку – встречались в Детгизе, запомнили друг друга с какого-то редакционного дня рождения. Валентин сидел за столом и с интересом листал свою новую книжку, которую принес Сергею в подарок.

Итуса взяла у Жени сумку с продуктами, Лидочка пошла за ней на кухню. Получилось как-то так, словно последние гости должны были взять на себя хозяйственные заботы – ведь продукты принадлежали им...

По какой-то причине Сергей избрал кухню рабочим кабинетом. Там, на большом столе, протянувшемся вдоль окна, что выходило к сараям, стояла красная портативная пишущая машинка, рядом лежали двумя стопками, аккуратно, листок к листку, чистая бумага и уже отпечатанные странички.

Второй гостьей была Марина Котова. Марина Олеговна. Она была редакторшей в «Московском рабочем», вернее, в одном из издательств, родившемся из некогда могучего гиганта на Чистопрудном бульваре. Марине было под сорок, но выглядела она моложе. Им с Лидочкой приходилось сталкиваться по работе. Кстати, Лидочка оформляла последнюю книжку Сергея – «Тропами Подмосковья», рисовала в ней акварелью цветы и травы, которые встречаются вокруг Москвы. Книга вышла лет пять назад, и тогда ее невозможно было купить – это было как раз завершение эпохи, в которой хорошие книги доставали, как копченую колбасу. Марина была редактором той книги, она опекала Сергея, который тогда только что разошелся с Ниной, даже что-то стирала ему или штопала – теперь уже не вспомнишь редакторских сплетен.

Впрочем, ничего удивительного в том не было: Марина Котова считалась всеобщей приятельницей. На ее дни рождения собирались, как правило, полдюжины знаменитых и столько же непризнанных талантов, а еще с десятка друзей дома. Особой красотой Марина не отличалась, хотя сохранила к сорока годам девичью фигурку и умела одеваться скромно, недорого и элегантно, правда, элегантность ее современной модной женщине показалась бы старомодной, но такая элегантность и требовалась в редакторско-писательском мире, где Марина существовала. Лицо ее было невыразительно и как бы стерто,

лишено ярких красок, волосы неопределенного цвета, а глаза черные, совсем не в тон остальному. Черты лица были правильные и мелкие. Несмотря на многие попытки, ни один художник не смог написать или нарисовать ее похожего портрета. С точки зрения Лидочки, Марина была скуластой мышкой с добрыми глазами, которая всю жизнь занималась чужими делами, кого-то опекала и кому-то подставляла свое узкое плечо, так что даже не успела обзавестись детьми. Да и как обзаведешься, если тебя окружают взрослые дети, требующие внимания и заботы.

Лидочка слышала от кого-то, может, от самой Марины, что первый роман Сергея не вызвал издательского интереса, но Марина организовала кампанию в его поддержку. Ведь у Сергея была в издательстве своя экологическая ниша – он считался отличным популяризатором, автором новелл о природе, знатоком ботаники. Но если такой человек в пятьдесят лет вдруг решает стать Достоевским, то, вернее всего, в нем проснулся графоман, которого надо уничтожить. Марина кинулась в бой, и книгу вставили в план. Правда, без энтузиазма – роман не грозил коммерческим успехом.

Сергей был аккуратистом. Может быть, поэтому он так проникся нежностью к Лидочке: она рисовала акварелью в манере английских дам прошлого века – четко, изящно и достоверно. Когда издательские производственники отказались взять «Тропами Подмосковья», потому что книжка получалась, с их точки зрения, слишком дорогой, Сергей устроил тихий бунт, как он умел делать, раз двадцать ходил к директору издательства, измучил визитами милейшего Ковальджи – главного редактора, добился того, что книга выйдет на офсете, а потом извел типографию, потому что наносил туда частые визиты, требуя соблюдения оттенков в печати, чего типография отродясь не делала.

«Тропами Подмосковья» получила приз на какой-то ярмарке, два или три диплома, каждый раз Сергей звонил Лидочке, серьезно поздравлял ее и обещал пригласить, когда будет делать следующий подобный труд. Но следующего подобного труда не получилось – не нашлось издателя. Тогда Сергей, как давно грозился, сел за роман, настоящий толстый современный роман, чтобы доказать всем этим фаулзам, миллерам, что наши сабли не затупились, а воображение не иссякло.

Разрезая колбасу и укладывая кружочками на бутерброды, Лидочка услышала голос вошедшей на кухню Марины:

– Ты замечательно выглядишь.

Очевидно, Лидочке следовало ответить таким же комплиментом, но Лидочка решила, что он был бы нарочитым и даже пародийным. Так что она спросила у Марины, как дела с романом Сергея.

– Сложная проза, – ответила Марина. – Необычная. Но в русле современной моды. Такая проза идет на Букер-прайз.

– Чего ж он раньше думал! – посочувствовала Итуся. – Давно бы стал знаменитым.

– Подождем, – осторожно заметила Марина, – боюсь предсказывать. Но вещь профессиональная. Двадцать авторских листов.

– И скоро мы его прочтем? – спросила Итуся.

– Я сегодня привезла ему внутренние рецензии, – сказала Марина.

С террасы донеслась вспышка голосов – словно что-то случилось.

– Как бы они Пуфика не обидели, – сказала Итуся.

Итуся раньше работала дрессировщицей собак в цирке. Лидочке всегда казалось, что за много лет общения с собаками они должны бы Итусе надоест. Но, уйдя из цирка, Итуся обрушила на приبلудного Пуфика всю свою любовь к живым существам, а Пуфик специализировался на том, чтобы доставлять хозяйке постоянное беспокойство. Сергей заглянул на кухню и сказал:

– Смотрите, кто к нам пожаловал!

Он был растерян, но старался изобразить радость.

Итуся с Лидочкой пошли на террасу. Приехала Нина Спольникова, бывшая жена Сергея. Только теперь ее было совершенно недопустимо называть Ниной, без отчества. Она вела себя как Нина Абрамовна и головой поводила как Нина Абрамовна. А вот Сергей к пятидесяти годам так и не дорос до Сергея

Романовича. Его называли Сергеем даже студенты пединститута, в котором он вел какой-то курс или семинар. И это было странно, потому что небольшой ростом Сергей был почти лыс, одутловатое лицо окаймлено небольшой, демократического вида пегой бородой. Лицо у Сергея было грустное, собачье, ностальгическое, как выразилась Итуся. Сергей к пятидесяти раздобрел, но не весь, а отрастил животик и брыли. Нина же за те семь-восемь лет, которые Лидочка была с ней знакома, вдвое усохла, даже череп уменьшился, может, потому что Нина теперь причесывалась гладко на прямой пробор и жестоко оттягивала назад воронные с проседью волосы.

Судя по всему, приезд Нины был для Сергея неожиданным.

Когда Лидочка вошла на террасу, Нина как раз протянула прямую ладонь Верескову и представилась:

– Нина Абрамовна Спольникова.

Вересков почувствовал учительскую строгость, смутился, будто его уличили в незнании урока, и ответил:

– Меня зовут Валентин Дмитриевич. А вы работаете в школе?

– Я руковожу лицеем, – ответила Нина. – И веду там коллоквиумы.

Тут она увидела Лидочку и сделала вид, что обрадовалась.

– Кого я вижу? А что ты здесь делаешь? Вот уж не думала, что в этом, как мне было сказано, скромном уюте встречу такое изысканное общество. У вас какой-нибудь праздник?

И Нина наморщила гладкий высокий лоб, словно встревожилась, что запаматовала какую-нибудь дату.

– Мы здесь все случайно оказались, – успокоила ее Лидочка. – В основном по-соседски.

– А я по делу, – с вызовом заявила Марина, которая никогда не жаловала жен своих авторов, полагая их лишним приложением к литературе.

– Вот и отлично, – сухо засмеялась Нина, – а то я решила, что забыла Сережин день рождения. У тебя ведь день рождения двадцатого мая?

Сергей кивнул. Он был удивлен и не догадался, что Нина лукавит: они прожили пятнадцать лет, и после такого срока день рождения мужа не забывается.

– Я тоже по делу, – сказала Нина Марине, как бы показывая, что она выше развлечений.

– Надеюсь, ваши дела подождут, пока мы не поедим, – заметила Марина.

– Не может быть, что вы, завершив свои дела, сразу уедете обратно, – сказал Женя Глущенко. Ему казалось, что Нина чувствует себя лишней, и ему хотелось ее ободрить.

Нина благосклонно кивнула, принимая предложение. Затем она подвинула к себе сумку и достала из нее настоящий мужской портсигар, серебряный, массивный, с барельефом конской головы в обрамлении подковы. Нина громко щелкнула кнопкой, портсигар раскрылся. Нина щегольски вытащила папиросу, привычно постучала мундштуком о конский нос, заломила мундштук и сунула в рот. Лидочка ожидала, что следующим движением Нина достанет откуда-то зажигалку, сделанную из гильзы. Тогда образ боевой подруги образца сорок второго года был бы завершен. Но Нина ограничилась тем, что закурила от обычного «ронсона».

Портсигар показал новую черту в ее характере. Никогда бы не догадаться, что Нина таит в себе желание вызова, спора, фронды. Представьте себе, как она открывает этот портсигар на педагогическом совете и как вздрагивают молоденькие учительницы, услышав его щелчок.

Закурив, Нина сообщила Глущенко:

– Мне от Сережи нужна одна безобидная подпись. Вернее, доверенность. Пустяк, но тормозит мои дальнейшие планы. Иногда даже думаешь, что проще убить

человека, чем оформить документы на его смерть.

После этого она огляделась, усмотрела свободный стул рядом с поэтом Вересковым, в котором уже распознала единственного здесь человека своего масштаба, способного пригодиться лицу. И начала его разрабатывать, словно провела лучшие годы в разведке.

Итуса с Лидочкой возвратились на кухню, к делам хозяйственным.

– У меня мама такие папиросы курила, – сказала добрая Итуса. – Я и не подозревала, что их сейчас делают.

Лидочка начала было рассуждать о том, что в каждом человеке смешаны мужское и женское начала. Бывают чистые мужчины, бывают чистые женщины, но чаще в мужчине живут женские черты, а в женщине сохраняются мужские. В Нине, очевидно, мужского начала больше нормы, и она его даже подчеркивает.

– Ты думаешь, что она лесбиянка? – буквально поняла монолог Лидочки Итуса. Лидочка рассмеялась и перевела разговор на другую тему. Потом они кончили готовить новую партию закусок и отнесли на террасу тарелки с бутербродами и банки со шпротами, оказавшимися в холодильнике. Вересков все хотел сбегать за грибами, которые так чудесно солит его жена, но Нина его непустила.

На всех была бутылка водки и бутылка вина, которую привезла с собой Марина. Все расслабились, стали разговорчивы и добры друг к другу. Вечерело. Женя незаметно встал из-за стола. Лидочка поняла, что он собрался в магазин. Ей надоело сидеть и болтать о политике, она присоединилась к Жене, они пошли к шоссе, к продуктовому магазину.

У соседнего дома в огороде копалась Ольга, женщина крупная, полная, дебелая, прекрасная красотой восемнадцатого века. Такими красавицами были Екатерина Великая и Мария Антуанетта – мода на подобный тип женщин вроде бы миновала, но на свете всегда находятся достойные мужчины, которые готовы на любой подвиг, чтобы заслужить их любовь. К сожалению, в сердце таких женщин слишком большое место занимает женская жалость, и потому дебелые императрицы и королевы приближают к себе алкашей и скандалистов, а потом с ними мучаются.

Прелестная и вполне современная Ольгина дочка Катерина, шестнадцати лет отроду, томилась рядом, держа корзинку, в которую Ольга кидала огурцы. Всем видом она показывала, что рождена для более значительных дел. Рядом с грядкой вытянулся утомленный жарой, лохматый, грозный на вид пес.

Ольга увидела дачников и выпрямилась.

– Здравствуйте, Евгений Александрович, – сказала она. – Не забыли, что обещали в нашей библиотеке провести беседу?

– Приду, – ответил Женя, непроизвольно ускоряя шаг.

Когда они отошли подальше, он с чувством воскликнул:

– Кто меня за язык тянул? В прошлый раз она пришла к Сергею по какому-то соседскому делу, а тот сказал, что я работаю в Институте Африки. Она и вцепилась. Неужели кого-то в этом поселке интересует положение в Нигерии?

В магазине была небольшая очередь.

– Они давно развелись? – спросил Женя.

– Лет семь назад. – Лидочка догадалась, что он имеет в виду Сергея.

– Почему, если не секрет?

– Из-за Лизы Корф.

– Чудесное сочетание! Графиня?

– Она работала препаратором в институте ботаники. Сережа тогда еще там числился. Потом ему пришлось уйти на вольные хлеба.

– Он изменил Нине Абрамовне с Лизой Корф? Как я его понимаю! – воскликнул Глущенко.

– Чудак, – сказала Лидочка. – Тебе свойственна мужская категоричность. Не все так просто.

– погоди, расскажешь.

Подошла их очередь. Они взяли бутылку водки «Белый орел», буханку хлеба и кило одесской колбасы, чтобы поджарить, без этого условия Лидочка отказалась санкционировать покупку, полагая, что летом в поселковом магазине часто ломается холодильник.

Затем вышли на улицу.

Наступило то чудесное завершение летнего дня, когда солнце уже скатилось к верхушкам елок, ветер стих, из-за заборов пахнет флоксами и спелой зеленью. Образ подмосковного рая нарушали лишь вороны, которые носились невысоко, деля добычу либо территории и оглушительно крича. Поселок девятиэтажных домов, принадлежавших институту усовершенствования, наступал на дачи. Было ясно, что когда наступление города станет слишком чувствительным, дачники отъедут в другие края.

– Доскажи, Лидочка, – попросил Женя.

– Ты о Сергее?

– Да. Мне он понравился, по-моему, достойный человек. Значит, Нина Абрамовна узнала о его романе с благородной Елизаветой Корф...

Женя чуть улыбнулся, поправив очки. Он принадлежал девятнадцатому веку и сам ощущал порой свою неприспособленность к веку нынешнему. Все у него было в порядке, но душа к нашему времени не лежала. Лидочке куда легче было представить его в строгом вицмундире с расшитой золотом шляпой в руке, стоящего, чуть выгнув назад спину, в осознании дворянской гордыни.

– Я сама удивилась, что Нина приехала к нему на дачу. Наверное, какое-нибудь важное дело. Насколько я знаю, их отношения давно уже утряслись на нулевой температуре. Тем более что и на Лизе Корф Сергей не женился.

- Почему?

- Потому что к тому времени все уже перегорело. Роману Сергея с Лизой, наверное, уже лет пятнадцать. Надо было принимать решения сразу. Нина хлопнула дверью, когда роман был на излете. Вернее всего, у нее самой в то время возникла надежда на новый союз.

- Они не любили друг друга?

- Не любили.

- А с Лизой Корфф? Что было дальше с Лизой Корфф?

- Лиза Корфф где-то существует. Если хочешь, я спрошу о ней Сережу.

- Нет, не надо.

- У Лизы должна быть совсем взрослая дочка, ей больше двадцати. Даша Корфф. К Сергею она отношения не имеет.

- Но почему Корфф?

- Ее когда-то звали в институте барышней-крестьянкой. Она Иванова, но недолгое время была замужем за неизвестным нам Корффом и даже успела родить ему наследницу. Корфф исчез без следа, никто его не видел.

- Я покорен твоей информированностью, - сказал Женя. - Ты могла бы работать в отделе светской хроники. Познакомь меня с Лизой Корфф.

- С мужчиной надо быть настороже, - сказала Лидочка. - Он использует твою откровенность тебе же во вред. Это дискриминация по принципу пола.

- Лидочка, - заметил Женя, - прекрати смотреть американские сериалы. Ты на глазах превращаешься из милой и покорной российской дамы в американское чудовище равноправия.

Их обогнал на гоночном велосипеде маленький сухой старичок в больших очках. Ехал он быстро, был пьян, его ноги неравномерно нажимали на педали, и чуткая машина совершала неверные движения, катилась по синусоиде.

Неожиданно выдержанный и хладнокровный Глущенко возопил:

- Николай! Стой, я тебе говорю!

И кинулся под велосипед. Велосипед постарался его раздавить, врезался в забор, и Глущенко легко подхватил вылетевшего из седла старичка.

- Николай, - сказал он, успокаиваясь. - Я тебя жду уже четыре дня. Ты взял аванс и дал мне слово - так или нет?

Старичок вяло, как заморенный сом, бился у Жени в руках.

- Это электрик, - сообщил Женя Лидочке, - ты иди, я тебя догоню, только поговорю с ним как мужчина с женщиной.

- Ты мне щенок, а еще не мужчина, - гордо ответил старичок.

Опасаясь, что беседа может выйти из цивилизованных рамок, Лидочка поспешила по улице. Не успела она пройти и ста шагов, как натолкнулась на стоявшего в неуверенности очень толстого краснощекого мужчину. Мужчина был одет в гигантский обвисший свитер, серые шорты до колен и самодельные сандалии - последнее было понятно, так как ступни мужчины были настолько велики, что трудно было бы подобрать для них обувь в магазине.

Пегие, немытые волосы мужчины были собраны на затылке черной резинкой и падали на спину. Тонкие пряди, выбившиеся из-под резинки, пересекали лоб и щеки. На вид мужчине было лет двадцать пять. Его было трудно назвать юношей или молодым человеком. Для себя Лидочка окрестила его слонопотамом.

Слонопотам спросил высоким, почти женским голосом:

- Где здесь Школьная улица?

- За вашей спиной, до конца дорожки и налево.

Не поблагодарив, толстяк затопал прочь. Лидочка обернулась. Оставив старичка в живых, к ней спешил Женя Глущенко.

- Он обещал, - сказал Женя. - Завтра с утра придет с инструментом.

- И ты ему поверил?

- В качестве альтернативы - придется его убить, - сказал Женя. - Но я к этому не готов.

- Нет, - согласилась Лидочка, - такие, как ты, не убивают. Такие, как ты, подвергают остракизму.

- А такие, как он, плевать хотели на мой остракизм, - признался Женя. - Ты тоже электрика встретила?

- Ты имеешь в виду толстяка?

- Черт его знает, я не разглядел. Только обратил внимание на то, что он одет для исполнения арии обжорства в опере нищих.

- Мальчики склонны к беспорядку в одежде, - заметила отличница Лидочка.

- Между нами существенная разница в возрасте, - ответил Глущенко, - я провел детство в серо-синем тюремном мундирчике советской гимназии. Это меня мобилизовало на достижение высоких результатов в учебе и общественной деятельности.

- Но потом, после школы?

- Я помню, на первом курсе института у нас было большое дело против стилиг, - вспомнил Женя. - Они откуда-то доставали брюки дудочкой.

Женя и Лидочка повернули за угол, на Школьную улицу.

Толстое существо в свитере и с грязным волосяным хвостом к этому времени как раз достигло пятого дома и остановилось перед калиткой. Оно прислушивалось.

Потом слонопотам толкнул калитку и вознамерился шагнуть внутрь.

– Молодой человек! – не выдержала Лидочка, ее голос нарушил тягучую тишину теплого июльского вечера. – Вы к нам в гости?

Голос спугнул молодого человека. Он замер. Затем отпрянул от калитки. Повернулся и быстро пошагал прочь. Через тридцать шагов он свернул на перпендикулярную улицу.

– Кто это? Ему кто-то был нужен? – спросил Женя.

– Он спрашивал меня, где Школьная улица, – сказала Лидочка. – Неприятный тип.

– Может, ошибся, – сказал Женя.

Диспозиция на даче изменилась. Марина Олеговна с Итусей собирали в миски красную смородину. На это получили разрешение Сергея, так как хозяева дачи уехали больше чем на год и вряд ли вернутся, чтобы полакомиться ягодами. Нину Абрамовну Лидочка увидела на террасе, когда проходила на кухню, чтобы приготовить второе действие пира. Нина Абрамовна старалась узнать взгляды поэта Верескова на современное положение в начальном образовании. Поэт Вересков вертелся под ее настойчивым взглядом и уходил от прямых вопросов. Поэту Верескову хотелось домой, но его деликатная натура не позволяла прервать беседу.

Пуфик увидел Женю и помчался навстречу.

Сергей стоял на кухне и, запустив пальцы в бороду, читал страничку, вытянутую из пишущей машинки.

– Мы тебе мешаем? – спросила Лидочка.

- Нет, что вы! Я задумался...

- О чем?

- Надо будет вставить новую ленту в машинку. Еле видно - лента износилась.

- Мы встретили молодого человека, - сказала Лидочка. - Он спрашивал Школьную улицу, а потом хотел пройти сюда.

- Какого еще молодого человека?

- Совершенно дикого вида, - сказала Лидочка. - Толстый, ножищи от слона, коса от Аленушки.

- А лицо? Какое лицо? - Сергей был встревожен.

- Красное, красная рожа, щеки наружу.

- Странно, - произнес Сергей. Голос его дрогнул. - Что он тут делает?

- Ты его знаешь?

- Вроде как-то видел... да, видел, и он удивил меня своими габаритами. - Сергей ответил неохотно.

- Я удивилась, встретив здесь Нину, - сказал Лидочка. - Вы помирились?

- Нет, ничего не изменилось. Мы вроде бы и не ссорились. Сейчас ей нужна заверенная у нотариуса моя подпись, что я не возражаю против продажи дачи. Когда мы разводились, я отдал ей дачу, помнишь?

- Да.

- Но она осталась у нас в общем владении... впрочем, я точно не знаю.

- Она продает дачу?

- Да, она, кажется, решила уехать и теперь собирает деньги. Тебе помочь?

- Я сама. Мне тут осталось только колбасу поджарить и хлеб порезать, а ты иди на террасу к гостям.

- Мне не хочется туда, где Нина. - Сергей говорил серьезно. - Я до сих пор не могу отделаться от страха перед ней, от детского страха перед воспитательницей в детском саду. Она всегда хотела мною руководить. Даже в постели. И я всю жизнь ждал, что она сейчас задаст мне вопрос, а я не смогу ответить. Мне даже во сне снился кошмар: Нина вызывает меня к доске, а я не могу ответить. И она велит привести родителей. А как я их приведу, если они умерли столько лет назад?

- Неужели и сейчас ты ее боишься?

- Она постарела, - произнес Сергей. - У нее другие подопечные.

«Голубчик, - хотела сказать Лидочка, - а ты ведь тоже постарел и, главное, сдал. Наверное, устал. Может быть, когда писатель кончает очередной труд, он выкладывается до конца. Но сейчас он видит лишь, как безжалостно годы обращаются с его бывшей женой».

- Она старается соответствовать своей должности, - сказала Лидочка.

- Ты ее никогда не любила?

- А почему я должна была ее любить?

- Да, - согласился Сергей. - Вы и не могли полюбить друг друга. Ты - воздух. Она - земля. Но ты знаешь, социально я чувствовал себя за ней как за каменной стеной.

- Поэтому чуть не ушел к Лизе Корф?

Лидочка была достаточно давно и близко знакома с Сергеем, чтобы позволить себе такую реплику.

– Наверное, – согласится Сергей. – Мужчине нужен кто-то, кого он мог бы опекать, о ком он мог бы заботиться. Нина никогда не давала мне такой возможности. Это невозможно. Для нее есть лишь одна жизненная роль: она – наседка, заботница, все остальные – цыплята, которых надо воспитывать. И ушла она от меня не потому, что нашей семье что-то грозило. К тому времени мой роман с Лизой Корф сходил на нет; роману уже было несколько лет. Это много. И я уже знал, что не женюсь на Лизавете. И Лиза знала об этом и не искала этого брака. У нее своя гордость... Нина ушла, потому что я слишком долго ее не слушался. Это было наказание. Я должен был покаяться, но не покался.

Лидочка порезала хлеб. Колбаса скворчала на сковороде. Лидочка знала, была уверена в том, что Нина оставила Сергея потому, что дождалась своего часа – на ее горизонте появился человек, крупный врач, доктор наук, который увлекся ею. И тогда Нина решила на то, чтобы избавиться от Сергея, младшего научного, подрабатывающего статьями в «Знании – силе» или брошюрами. Но доктор медицины сорвался с крючка... На этом Лидочка прервала течение своих мыслей, ибо немое злословие ничем не лучше высказанного.

– Ты о чем задумалась? – спросил Сергей.

– О том, как быстро бежит время, – солгала Лидочка. – У Лизаветы дочь студентка? Вы с Лизой встречаетесь?

– Не в том смысле, как ты понимаешь...

– А я ни в каком особом смысле не понимаю, – отмахнулась Лидочка. – Просто спросила.

– Даша уже совсем взрослая, – сказал Сергей.

– Когда мы виделись, она была еще девочкой.

– Ты ее не узнаешь. Ей через неделю двадцать два года. Очень похожа на Лизавету.

– Что она кончает?

– Полиграфический. Будет художником книги. Как ты. Ты ей поможешь на первых порах?

– Ну, я не профессионал... – сказала Лидочка.

– Ты никогда не любила Лизавету...

– Ну вот, оказывается, я не любила Нину, не любила Лизу. Может, потому что была влюблена в тебя?

Сергей не сразу сообразил, потом неуверенно засмеялся. И спросил:

– А если серьезно?

– Нет, ты не герой моего романа. Возьми поднос и иди на террасу.

Уже начало темнеть. Сборщицы смородины возвратились из сада, жужжали комары, вокруг уютного желтого абажура крутились тяжелые бражники и мотыльки.

Итуся разливала чай. Пуфик путался под ногами. Вересков незаметно поглядывал на часы. За террасой зашуршали кусты. Сергей вздрогнул и посмотрел в ту сторону. Лидочке подумалось, что он тоже вспомнил о неприятном толстяке.

Некоторое время за столом шел общий разговор. Потом кто-то вспомнил, что через сорок минут отходит электричка, пушкинская, не переполненная.

Лидочка оглядела сидевших за столом, и вдруг ее посетила странная мысль: кто же первым из нас умрет? Вот мы сидим за столом, все здоровые, не очень старые и не совсем юные. Но в ком-то уже таится порча, кто-то обречен на болезнь, кто-то, может, попадет под машину... так кто же первый?

Лидочка ничего не могла с собой поделаться. Она переводила взгляд с одного лица на другое.

Нина Абрамовна – она морщится, что-то ее беспокоит. Валентин Вересков – он здесь старше всех, но в нем ощущается устойчивая жизненная сила. Итуся – убирает за ухо пышный рыжеватый локон, сейчас она спросит, кому еще чаю. Женя Глущенко украдкой, чтобы Итуся не сердилась, наливает себе на посошок. А может, первым будет Сергей, чем-то встревоженный сегодня, недовольный, хотя у него больше всех оснований для радости, он закончил свой роман. Двадцать авторских листов... Или Марина? Она глядит на упорного бражника, который бьется о шелк абажура, и ее тонкие губы чуть шевелятся. Кто еще у нас остался? Лидочка Берестова? А чем я лучше других? Что ждет меня завтра?

* * *

Все пошли к станции. Глущенко уговорили Лидочку остаться ночевать у них на даче, тем более что дома ее никто не ждал – Андрей был в экспедиции. Надо было только посадить на электричку Нину Абрамовну и Марину. Вересков раскланялся со всеми у соседней дачи.

Сергей шел впереди с Ниной Абрамовной, они негромко обсуждали свои имущественные проблемы. Один раз Нина остановилась, щелкнула своим портсигаром и закурила. Марина и Лидочка, которые брели рядом, тоже остановились.

– Странно, – подумала Марина вслух, когда Спольниковы снова пошли вперед, – если не знаешь, никогда не догадаешься, как семь лет назад она обливала его грязью, писала заявления в партком и грозила кинуться с восьмого этажа.

– Я плохо помню эту историю, – уклончиво ответила Лидочка.

– А я хорошо. Он тогда часто ходил к нам в издательство, – сказала Марина, – у нас его книжка шла, какой-то путеводитель. И он всех держал в курсе событий. Знаешь, как бывает, когда мужик совсем расклеится.

Лидочка кивнула.

Пуфик обогнал их и стал прыгать, изображая кенгуру, что было трудно сделать из-за его комплекции.

Вышла луна. Стало светло, но лунный свет спорил со светом редких фонарей, освещение получалось театральным, неестественным, экзотичным. Далеко впереди шагал толстый человек в длинном свитере. Разглядеть его было трудно, но Лидочке показалось, что это тот самый молодой оборванец.

– Сергей еще долго здесь будет? – спросил сзади Глущенко.

– Не знаю, – сказала больше других информированная Марина, – я сегодня привезла ему замечания по рукописи. Как быстро он управится, не знаю. А так как сейчас все делается быстрее, чем раньше, боюсь, как бы нотариальные походы не выбили Сережу из колеи.

– А что вас смущает? – спросила Лидочка.

– Его роман – современная проза. Хоть там есть все – и фарс, и трагедия, но в принципе это роман о большой любви, и вставить его в план производства было нелегко. Это же не Чейз и не Стивен Кинг. А знаете, как быстро у нас меняется обстановка – исчезнет бумага, появится какой-нибудь соблазнительный американский боевик... и перенесут Спольникова на будущий год, а там, глядишь, и забудут о нем... Вы меня понимаете? А книжка достойна того, чтобы выйти в свет, уж поверьте моему редакторскому чутью.

На плохо освещенной платформе скопилось много народа, была и обязательная компания с гитарой. Воскресный вечер означал расставание с московскими гостями, с отцами семейств, возвращавшимися к трудовым будням, с подружками, с соседями по даче... Вечер выдался тихим, приятным, воздух хотелось традиционно сравнить с парным молоком, а картину увенчивала луна. В такой вечер кажется, что сейчас услышишь шум прибоя, что там, внизу, расстилается море, и вот-вот в кустах запоют цикады.

В ожидании электрички все стеклись в кружок.

– Споем, что ли, товарищи? – иронично спросил Глущенко. Таких вот прощальных кружков на платформе было не меньше дюжины. В некоторых пели: несколько рюмок и теплый лунный вечер – вот и рождается сладко тянущая за душу любовь к ближнему, и выражается она у нас по-язычески, в общей песне...

Электричка ослепила, взревела и тяжело затормозила. Стало ясно, что дамам придется до Москвы стоять.

– Почему ты не купил машину? – Это были последние слова Нины Абрамовны, обращенные к бывшему мужу. Сергей не нашелся, что ответить: он только беспомощно развел руками – он все еще чувствовал себя виноватым перед этой строгой женщиной и никак не мог научиться соответствовать ее высоким стандартам.

Глущенко, отвернувшись, улыбнулся. Итуся кинулась ловить Пуфика, который тоже было полез в электричку, ему захотелось в Москву.

Компания с гитарой втиснулась в вагон следом за Ниной Абрамовной. Невысокая Марина сразу исчезла в толпе пассажиров, но голова Нины Абрамовны, затянута на прямой пробор волосами так туго, что глаза приобрели китайский абрис, гневно покачивалась среди лохматых молодых голов. Электричка глубоко вздохнула, рывкнула и быстро набрала скорость.

– Ну вот, остались все свои, – сказал Женя Глущенко. – Пошли к нам водку пить...

– Женя! – возмутилась Итуся.

– Хотя мы все знаем, – завершил фразу Женя, – что водки дома не осталось.

– Кстати, я забыл ей сказать, – вдруг нашелся Сергей, – что в таком состоянии мне все равно нельзя было бы садиться за руль.

Он был огорчен собственной несообразительностью. Лидочка его понимала – в спорах с Ниной годились только банальные, но доказательные аргументы.

Электричка исчезла, лишь гудели провода. Провожающие потянулись с платформы.

– А в самом деле, зайдете к нам, посидим? – спросила Итуся.

– Нет, спасибо, – сказал Сергей. – Я еще немного поработаю. Сейчас приятно работать.

– Работать никогда не бывает приятно, – заметил Женя.

Сойдя с платформы, они начали прощаться.

– Вы завтра рано уезжаете? – спросил Сергей у Лидочки.

– Я хотела выспаться досыта. А что?

– Если завтра будет такой же день, не грех бы искупаться.

– Но тут далеко идти.

– Нет, от нас минут двадцать, – сказал Женя.

– Я могу зайти за вами, – предложил Сергей.

– Вот и отлично, – сказала Итуся с облегчением. Пуфик опять убежал, и мысленно она уже мчалась за своим сокровищем.

Так и договорились. В одиннадцать Сергей пойдет к Жене, и они все пойдут купаться.

Теперь можно было с чистым сердцем попрощаться.

Итуся с Женей побежали налево к главной улице поселка Старых большевиков, потому что где-то там носился неугомонный Пуфик. Лидочка задержалась и глядела вслед Сергею, зная, что он обернется.

Сергей обернулся шагов через двадцать. Поднял руку, прощаясь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ночью пошел мелкий дождик, он нагнал в комнату комаров, которые воспользовались случаем напиться людской крови.

За окнами тревожно поскрипывали сосны, словно тщились шагнуть. На рассвете начала каркать сумасшедшая ворона, и ее крики подхватывала безродная собачонка у соседей. Проснулся Пуфик и отчаянно залаял, чтобы навести порядок. Слышно было, как поднялась Итуся, принялась успокаивать Пуфика и, не успокоив, открыла дверь, выпуская его в мокрый теплый воздух.

Лидочке казалось, что она всю ночь не спала, но это было неправдой. Конечно, она спала, но время от времени сон прерывался. Потом уже она подумала, что тревога той ночи вызвана смертью Сергея. И хоть капитан Голицын из милиции говорил, что Сергея убили в два часа ночи, не позже, вся тревожная ночь в памяти Лидочки была связана с Сергеем.

Утром она поднялась поздно. Глушечки уже встали. Женя читал на веранде нечто очень научное, в кожаном переплете, посвященное освобождению крестьян, а Итуся пропалывала заросшие грядки с клубникой. Они еще не завтракали, дожидались гостю. Пуфик первым угадал, что она проснулась, будучи существом корыстным, он дежурил возле дивана, на котором спала гостя, порой трогая ее локоть жесткой лапой. Очередное прикосновение разбудило Лидочку, та вскочила, не сразу поняв, кто и почему ее будит, потом попыталась отогнать песика, что было нелегко сделать, потому что Пуфик был счастлив оттого, что наступает светлое время завтрака добрых хозяев, во время которого можно славно поживиться.

Лидочка накинула халатик и, еще сонная, сползла по лестнице на веранду. Женя отложил том в кожаном переплете и сообщил, что принес парного молока.

– Такое впечатление, – сказала Лидочка, – будто я вчера гуляла на свадьбе. А потом взобралась на Эверест.

– Свадьбы у нас обычно кончаются драками, – заметил Женя.

– Я сейчас! – крикнула Итуся. – Через пять минут.

Завтракали не спеша, ждали, когда придет Сергей.

Глуценки знали его неблизко: как-то встретились на платформе, нашли общих знакомых – мир невелик, потом Сергей позвал Итусю собрать ягоды, которые иначе пропали бы, а Итуся подарила ему банку варенья. Случилось, что у Сергея сломался телевизор, и он приходил к Глуценко смотреть футбол – благо пятнадцать минут неспешной ходьбы; обнаружилась общая их с Женей любовь к российской истории прошлого века... Так и катилось дачное знакомство и, вернее всего, оборвалось бы с концом лета.

Сергей задерживался. Они сидели на веранде, пили кофий с молоком, как настоящие господа. Осы пикировали на баночку меда. Дождь перестал, запели птицы, стало парить. Сергей все не шел. Видно, заработался вчера, а теперь спит, сказала Итуся. Но так как спешить было некуда, они и не волновались.

– А теперь он женат? – спросил Женя.

– Вот видишь, – засмеялась Итуся, – знакомы второй месяц, а мой Женечка не удосужился спросить.

– Ты тоже не спросила, – возразил Женя.

– Меня эта проблема не интересовала, – сказала Итуся, – к тому же об этом нетрудно прочитать между строк. После развода с Ниной Абрамовной семь лет назад Сергей так и не женился, хотя все ожидали, что он женится на своей многолетней любовнице – ведь из-за нее и заварился весь сыр-бор.

– Это Лиза Корф? – спросил Женя. – Я знаю.

– Вот видишь, какой ты сообразительный. Еще что-нибудь рассказать? – спросила Итуся.

– Расскажи.

– С тех пор Сергей продолжает поддерживать милые отношения с Лизой. Если мужик не женился сразу, через десять лет он на это уже не пойдет.

– Почему?

– Потому что десять лет спустя мы, женщины, многое теряем. А мужик хорошо помнит момент первой встречи. А сегодня ему показывают даму совсем иной комплекции и выражения глаз.

– А почему он снова не женился? На ком-нибудь еще? – спросила Лидочка. Почему-то раньше она, хоть и знала Сергея ближе Глущенко, об этом не задумывалась.

– Можно уйти от жены к любовнице, но от живой любовницы к новой жене? Для кого-то это возможно, но для Сергея перебор. Он, как кошка, привыкает к месту. Он бы и с Ниной не расстался, если бы она не проявила инициативу, – заявила Итуса.

...Лидочка собралась было позагорать, но передумала. Все равно пойдем купаться, значит, и загорать будем там. Лидочка согласилась сопровождать Итусю в магазин, надо было чего-нибудь купить к обеду, ведь Сергей останется с ними, и за столом будет четверо.

По дороге они не спеша беседовали о жаре, о нравах собак, о трудности квартирных ремонтов и о том, как неплохо бы сдать московскую квартиру богатому иностранцу и переехать на дачу и не знать проблем...

Когда возвратились из магазина, было уже двенадцать.

Тогда решили идти на водохранилище одни, но вдоль канала, чтобы, если повезет, встретить Сергея на полдороге.

Стало жарко, хотелось, чтобы дождь собрался снова, но он не собрался, солнце растопило неплотные тучи, оставив от них только легкую дымку, которая не ослабляла жару.

Шли медленно, большей частью молчали, даже Пуфик не бегал, а брел. Женя тащил корзину с полотенцами, подстилкой, газировкой в баллонах, еще чем-то, тащить ее ему не хотелось, и он пригрозил: если они встретят наконец этого бездельника Сергея, он сдаст ему корзину – пусть таскает.

На Жене была белая кепочка, и она придавала его облику какой-то довоенный вид.

Дошли до спрятанного под землю водопровода. Близко, у самой железной дороги, поднималась насосная станция. От нее до Сергея оставалось всего семь минут ходьбы. Конечно, можно было бы о нем забыть – ведь он о них забыл, но ведь договорились купаться вместе, и было как-то неловко забыть об одиноком мужчине.

– Вы идите купаться, – сказал Женя, – а я загляну к Сергею, узнаю, почему он опаздывает.

– Нет, – возразила Лидочка, – я без груза, я сбегаю быстрее.

– Ах да, корзина, – вздохнул Женя.

Лидочка поняла, что он надеялся сплавить корзинку дамам.

– Вместе пойдем, лишние пятнадцать минут ходьбы никому не повредят, – сообщила Итуся. – Я, кстати, сбрасываю вес.

Появился повод завернуть к Сергею – моцион, и все дружно зашагали к переезду через железнодорожное полотно.

Солнце окончательно разогнало хмарь и начало печь как следует.

– Только очень молодые и рискованные люди ходят купаться в июльский полдень, – сообщил Женя. Лидочка была с ним совершенно согласна.

* * *

От жары все примолкло, птицы забрались в листву, собаки лежали в тени помойных баков. Дом художников замер, словно последний его обитатель сбежал к морю.

Как странно было увидеть, свернув за угол, сразу три машины. Две милицейские и «скорую помощь».

Машины стояли, перегородив Школьную улицу у пятого дома, но они не могли иметь отношения к Сергею, потому что только вчера он был здоров, собирался купаться... конечно же, он собирался с нами купаться!

Им бы идти быстрее, но Лидочка замедлила шаги и поняла, что Глущенко тоже с трудом переставляют ноги. Справа к своей калитке вышел поэт Вересков. Это обрадовало Лидочку – не надо спрашивать милиционеров.

– Здравствуйте, – сказала Лидочка, – что-нибудь случилось?

– Сергей... умер, – сказал Вересков.

– Не может быть! – сказала Итуся.

Пуфик зарычал и остановился. Он все понял раньше людей. Лидочка пошла дальше. У приоткрытой калитки стоял милиционер.

– Вы куда, гражданка? – спросил он.

– Там наш знакомый живет, – сказала Лидочка, которая упрямо не желала согласиться с возможностью смерти Сергея.

– Ну и что? – спросил милиционер. Ему было жарко, он не снимал фуражки, и струйки пота тянулись по щекам.

– Мы договорились купаться вместе, – сообщила Лидочка. – Можно мне пройти?

– А эти с вами?

– Эти со мной, – сказала Лидочка. – Мы все – знакомые, друзья Сергея Романовича.

– Капитан! – крикнул милиционер. – К Спольникову пришли.

Крик застрял в листве, растворился в жарком воздухе. Но так как все окна и двери были раскрыты, капитан услышал призыв.

Он оказался низкого роста, плотным молодым чернявым человеком в голубой милицейской курточке и синих брюках. Верхние пуговицы рубашки были расстегнуты.

– Заходите, заходите, – позвал Лидочку и Глущенко капитан. – Вы мне и нужны!

– Ну вот, видите, – с упреком заметил милиционер у калитки, как будто Лидочка сопротивлялась и ее пришлось вести в сад под конвоем.

Пуфик не хотел идти в сад и куда-то убежал. Итуся – за ним.

Капитан пригласил Лидочку и Женю на террасу. Лидочка увидела, что Сергей так и не помыл посуду. Ей стало неловко, что она вчера этого не сделала.

– Что случилось? – спросил Женя. Видно, он понимал, что наступила его, мужская, очередь задавать вопросы. Но здесь спрашивал капитан.

– В каких отношениях вы состоите с Сергеем Романовичем Спольниковым? – спросил он.

– Я его старая знакомая, – сказала Лидочка.

– А вы?

Женя почему-то нахмурился, словно счел вопрос нетактичным. Но ответил:

– Мы же собирались пойти купаться! Мы ждали Сергея...

– Вы тоже будете его знакомый?

– Я его знакомый и хочу знать, на каком основании вы меня допрашиваете и что здесь случилось?

– А где вы были сегодня ночью? – спросил капитан совершенно равнодушно, будто только ждал, когда Женя кончит говорить, чтобы уличить его в каком-то преступлении.

– Я с женой спал.

– И вы тоже с ним спали? – спросил капитан Лидочку, видно, приняв ее за жену.

– Я не жена Евгению Александровичу, – сообщила Лидочка, чем немного, самую чуточку, сбила капитана с толку.

– А где же жена?

– Кто жена? Я жена, – сказала Итуся. Она поймала Пуфика и принесла его на руках. Видно, они с Пуфиком поняли, что пора спешить на помощь.

– Я была в гостях у Глущенко, – сказала Лидочка.

– Ваши паспорта, попрошу, – сказал капитан.

– Простите, но в такую жару... – ответил Женя. – Кто будет надевать пиджак?

– А вот это лишнее, – сообщил милиционер. – Я вот всегда паспорт с собой ношу.

Он хлопнул себя по заднему карману.

– Вытащат, обязательно вытащат, – сказал Женя.

– У меня не вытащат, – сказал капитан, но больше не стал настаивать на том, чтобы Глущенко и Лидочка предъявили ему документы.

– Так что же случилось? – спросила Лидочка. – Что случилось с Сергеем?

– Вот именно, – сказал капитан и пошел внутрь, поманив Лидочку за собой, как будто звал ее поиграть в мячик.

Лидочке не хотелось входить в дом, но надо было так сделать.

– Узнаете? – спросил капитан.

...Лидочка глядела на лежавшего на полу, возле небольшого круглого стола, Сергея и понимала, что он совершенно мертв.

До того момента она была убеждена, что с ним случился инфаркт или инсульт, что он лежит на постели...

Но Сергей был убит. В виске у него было черное пятно, а от пятна по щеке и на пол стекал подсохший ручеек крови. Лежать Сергею было неудобно, он упирался согнутыми ногами и плечами в ножки стола и диван. Видимо, он опрокинул, падая, стул, и Лидочке трудно было убедить себя, что Сергею совершенно все равно, как лежать. Ей больше всего хотелось убрать стул и стол и дать возможность Сергею лечь по-человечески. Но трогать тело нельзя, об этом она где-то читала.

– Узнаете? – повторил капитан.

Это был лишний вопрос. В ответе никто не сомневался, но чтобы поддержать правила детективной игры, Лидочка произнесла:

– Это Сергей Спольников.

– Господи, – сказала стоявшая сзади Итуся. Пуфик бился у нее в руках и повизгивал, ему было страшно. – Мне сейчас станет плохо. Женя, ну чего же ты стоишь!

Женя тут же отвернулся от Сергея, с видимым облегчением подошел к Итусе, взял ее под руку и повел прочь из комнаты.

А Лидочка оторвала взгляд от тела и оглядела комнату, стараясь понять ее расположение в доме.

Комната находилась в центре первого этажа. Торцом она примыкала к кирпичной стене, разделявшей дом пополам – на половину, в которой жил

Сергей, и на ту половину, за забором, где жила какая-то Маргарита, о которой Лидочка, кроме имени, ничего не знала. И даже не помнила, кто назвал ей это имя. Справа от комнаты находились две небольшие горницы или спальни, слева кухня и прихожая, а за спиной Лидочки была дверь, ведущая на веранду и в туалет. Здесь, в комнате, служившей гостиной, не было окон, и потому звуки, раздававшиеся внутри нее, наружу не вырывались или по крайней мере были очень приглушенными.

Эти не обязательные сбивчивые мысли крутились в голове Лидочки, словно она не просто смотрела на своего убитого знакомого, а приступала к расследованию. Слышен был выстрел или нет – это важно для сыщика, а не для приятельницы погибшего.

– Как вы думаете, кто его убил? – спросил капитан.

Лидочка четко расслышала вопрос, но он к ней как будто не относился, и в ответ произнесла фразу, которую ей самой придется не раз выслушать в ближайшие дни:

– Таких не убивают.

Лидочка не хотела обидеть Сергея. Но насильственная смерть подразумевает определенный накал страстей, отношений, когда убийство – едва ли не единственный способ разрешить противоречия. В кругу, к которому принадлежала Лидочка, конфликты разрешались в худшем случае скандалом или судом. Муж мог ударить жену, жена могла замахнуться на мужа. Но сама мысль об убийстве никому из знакомых просто не могла прийти в голову. И если вчера Нина Абрамовна сказала в сердцах, что проще убить человека, чем оформлять документы на его смерть, это не имело никакого отношения к убийству. Такая мысль Нине и в голову бы не пришла. Убийство оставалось в каком-то чужом мире, о котором знали из газет и телевидения. Из этого мира глухо доносятся выстрелы и взрывы, но в своем кругу насильственная смерть просто невысказана. Случается, напали по дороге домой, избили и ограбили, к кому-то влезли в квартиру. Но все это вторжение извне, из злого внешнего мира.

– Он давно мертв? – спросила Лидочка.

Капитан даже не стал отвечать.

– Кто же мог его убить?

– Вот я и думал, что вы мне поможете, – мрачно ответил капитан.

– Как же я вам помогу? Меня здесь не было.

– Вы были недалеко.

Лидочка промолчала. Капитанам милиции положено подозревать всех знакомых убитого и в конце концов найти корыстного наследника. Или обнаружить связь с преступной бандой на овощной базе.

– Пойдемте на кухню, – попросил капитан.

На длинном, прислоненном к стене столе еще стояли неубранные следы вчерашнего обеда. Открытая банка с огурцами, половина буханки, стопка грязных тарелок. Ага, Сергей собрался было начать уборку, но тут это и случилось.

– Садитесь, – сказал капитан, осторожно отодвигая портативную пишущую машинку Сергея. В ней был заложен лист, вроде бы вчера его не было, – значит Сергей успел попечатать. Бледные буквы толпились тесно, и Лидочке не было видно, о чем Сергей писал.

Капитан взял лист из аккуратной стопки чистой бумаги рядом с машинкой. Достал из кармана рубашки шариковую ручку.

На кухне была открыта только форточка. Было душно. Жужжали мухи, пахло прокисшей пищей. Рюмки, стоявшие в ряд по краю стола, издавали неприятный сладковатый запах вчерашнего пьянства. Наверное, милиционер думает, что мы здесь устраивали оргии.

– Не было никакой пьянки! – с некоторым раздражением возразила Лидочка на невысказанный вопрос. Капитан поднял бровь. Бровь была темно-рыжей, что было странно при черных волосах, словно капитан красил голову. У него было мучнистого цвета блестящее лицо с неровной кожей. Глаза были маленькие, зеленые. Неприятное лицо. Тяжелое и неумное.

- Простите, - сказала Лидочка.

Итуса заглянула в окно снаружи, стараясь понять, что происходит на кухне, даже приложила руку лопаточкой ко лбу. Но видно было плохо.

- Я открою окно? - спросила Лидочка.

Ей было гадко от духоты и запахов.

- Открывайте, - согласился милиционер.

На зиму и в дни отъездов хозяева ставили на окна решетки - добротные решетки, на болтах. Но летом решетки мешали открывать окна и сейчас стояли в прихожей, прислоненные к стене.

- Давайте поговорим, - сказал капитан.

- Прямо здесь?

- А чего мы будем откладывать, - сказал капитан.

Теперь, сидя за столом, он не казался столь официальным и строгим.

- Чего откладывать, - повторил он. - Чем скорее мы разберемся, тем лучше. Скажите мне свои данные. Имя, фамилия и так далее.

- Но у меня нет паспорта.

- С паспортом зайдете ко мне в отделение, официально, - сказал капитан. - Сейчас изложите самое главное.

- Но вы не представились! - сообщила Лидочка. И добавила смущенно: - Мне неудобно обращаться к вам «господин капитан».

- Можете говорить «гражданин капитан», - сказал тот и тут же смилостивился. - Голицын, - представился он. - Анатолий Васильевич. Как нарком культуры, довоенный, слышали?

- Тогда записывайте, Анатолий Васильевич, - сказала Лидочка. - Берестова Лидия Кирилловна, год рождения по паспорту - тысяча девятьсот шестидесятый.

- Никогда не дашь, - заметил тезка наркома и этим перевел Лидочку из разряда подозреваемых в нормальные свидетели.

В дверь кухни сунулся милиционер, который встречал их у калитки.

- Свидетелей отпускать или пускай ждут?

- Тех двоих с собакой? - спросил капитан. - Подождут.

- Мы были все вместе, - сказала Лидочка. - Всю ночь и все утро.

- Не спешите, - перебил ее Анатолий Васильевич. - Давайте по порядку. Где проживаете, как сюда попали. По порядку. Мне же для дела нужно.

Лидочка изложила по порядку причины, приведшие ее на место преступления, сказала, кто здесь был, кроме нее, рассказала в двух словах о событиях вчерашнего дня. И лишь когда кончила говорить, а капитан все медленно писать, он отложил лист и спросил:

- Подпишитесь или отложим до отделения, когда паспорт принесете?

- Как хотите, - сказала Лидочка.

Она вдруг почувствовала, что устала - хоть просидела на кухне всего сорок минут.

- Теперь будете Глущенко допрашивать? - спросила она.

За стенкой слышались голоса, толкотня, шум. Голицына позвали оттуда. Он ушел, оставив Лидочку одну.

Она заглянула в комнату за капитаном и увидела, что Сергея уже положили на носилки и собираются уносить. Анатолий Васильевич что-то вынюхивал вокруг тела. Потом стал шептать на ухо второму милиционеру. Санитары понесли носилки прочь из гостиной, доктор в белом халате, совсем молоденький, шел сзади. Рука Сергея вдруг сорвалась с носилок и бессильно свалилась. Пальцы задевали доски пола. Лидочке захотелось рвануться, поправить руку, но она не посмела, что-то остановило ее. То ли страх перед Сергеем, перед смертью, то ли страх перед Анатолием Васильевичем Голицыным, милиционером, который имел право задавать вопросы и обвинять людей. А почему бы мне и не вернуться ночью, не пройти в дом – окна, наверное, были открыты, почему мне не убить Сергея? Бред какой-то! Таких, как Сергей, не убивают. Представь себе любого человека на земле, который накопил в себе столько ненависти к Сергею, чтобы убить его? Застрелить? А где покупают пистолеты, чтобы убивать знакомых популяризаторов ботаники, написавших современный роман? В телевизоре это выглядит так просто – подошел к эстонским мафиози, купил пистолет и еще пулемет. А на самом деле?

Анатолий Васильевич, проводив носилки на террасу, быстро вернулся, широкими плечами чуть не застрял в двери и, увидев Лидочку, произнес непонятную фразу:

– А сейчас будем смотреть.

За ним вошли Глуценки. Так и остановились – капитан и Глуценки у двери, ведущей на террасу, а Лидочка – в дверях на кухню.

– Давайте теперь вместе будем смотреть, – сказал капитан. – Что могло пропасть из этого дома.

– Пропать?

– Вот именно. Что могли украсть.

* * *

- Вы хотите сказать, - произнес Глущенко с явным облегчением, - что могло иметь место ограбление?

Лидочка подумала, что все они, включая Женю, говорят с капитаном на чиновничьем жаргоне, словно тот ему более понятен.

- Могло иметь место, - мрачно согласился капитан. - Вы видели, как он был одет?

- Нет, - ответили они вразнобой.

- Но он был одет, - сказала Итуся уверенно.

- Так же, как в момент вашего ухода?

Никто ему не ответил.

- Убитый был босой, такие вещи надо замечать. Босой, в джинсах и в сорочке.

Тезка наркома был разочарован невнимательностью интеллигентов.

Конечно же, на Сергее не было никакой обуви. Но, наверное, от жары, от того, что положено ходить босиком, Лидочка не обратила на это внимание.

- Ночь была теплая, он вернулся со станции и разулся, - сказал Анатолий Васильевич. И тут же обернулся к Лидочке: - А вы вчера на кухне были?

- Да, я готовила.

- Постарайтесь вспомнить - в машинке у него бумага была вставлена?

- Я уверена, что не было ничего, - ответила Лидочка.

- Я тоже обратила внимание, что машинка была пустой, - подтвердила Итуся.

– А теперь лист вставлен, – сообщил капитан. – Значит, он пришел, разулся, сел за свою машинку, решил поработать. Заработался до двух, а тут влез убийца. Может, он что-то сказал, стал ругаться, а в наши дни с грабителями лучше не ругаться, понимаете?

– А почему вы думаете, что это случилось в два часа ночи?

– Это не я думаю, а соседи. И медицина должна подтвердить.

– А что говорят соседи? – спросил Глущенко.

– Потом, потом, – отмахнулся капитан. – Мне сейчас важнее другое: кто из вас тут бывал, видел вещи. Я хочу понять, что здесь было. Деньги, валюта? Драгоценности? Что он здесь хранил? Что нужно было убийце? Понимаете? Ведь так просто не убивают.

Лидочка кивнула, соглашаясь.

– Ну как? – обернулся капитан к Лидочке.

– Я тут практически не бывала.

– А вчера? Что вчера заметили? Было видео?

Лидочка поглядела на Женю.

– Я смотрел у него видео, – сказал Женя.

– Американский фильм, – сказала Итуся. – «Вспомнить все»! Позавчера смотрели.

– Вот видите, – обрадовался прогрессу следствия капитан. – Другие вещи?

– Я думаю, особых ценностей здесь не было.

– А компьютер?

- Компьютера я не видел.

- Я бы заметила, - сказала Итуся.

- Думайте! Ильинские могли оставить ценные вещи на сохранение.

- Кто-кто?

- Ильинские, хозяева дачи.

- Сомнительно, - сказал Глущенко. - Представляете, люди уезжают на год и оставляют на даче в распоряжении жильца какие-то ценности.

- Всякое бывает.

- Я вам советую, - сказала Итуся, - поговорить или с поэтом Вересковым, он снимает домик напротив, или с соседкой - с той стороны. Ольгой, библиотекаршей. Они тут чаще бывали, они знают, какие вещи могли исчезнуть.

- Так и сделаем. Новый вопрос, - сказал капитан, загибая указательный палец. - Что вы можете сообщить о его ближайших родственниках?

- Вчера здесь как раз была его бывшая жена, - сказала Лидочка. - Нина Абрамовна Спольникова.

- Они в разводе? Зачем она приезжала?

И тут Лидочка поняла, что капитан спешит, он сам уже не рад, что ввязался в этот разговор, который трудно назвать допросом, но и трудно придумать для него другое название.

- Какие-то хозяйственные дела по разделу имущества, - сказала Итуся.

- Давно в разводе?

- Семь лет, - сказала Лидочка.

- А новая жена есть?

Итуса молчала, глядела на Лидочку, оставляя ей инициативу. Но вроде бы капитан этой паузы не заметил.

- Сергей Романович не женился.

- Дети есть?

- Насколько я знаю, нет, - сказала Лидочка.

- Родители?

- По-моему, умерли. Я вам дам телефон Нины, его бывшей жены, она все объяснит.

- Отлично. Давайте телефон. И оставьте мне ваши адреса и телефоны, вы мне понадобятся... Вернее всего.

И тогда Лидочка поняла, что капитан знает нечто об убийстве Сергея, что резко снижает его интерес к прочим свидетелям. И вернее всего, он и не намеревается вызвать бывшую жену. Подумав так, Лидочка спросила:

- Почему вы думаете, что это был грабитель?

- Он через окно влез, земля на подоконнике и на полу, я думаю, что он искал деньги. Может, наркоман, может, бандит.

- Но у Сергея ничего не было!

- Относительно, - возразил Анатолий Васильевич. - Видак - вполне достаточный повод для убийства. У нас за полсотни долларов убивают. А на даче был не только видак, это я вам гарантирую.

Последние слова были полны укора, словно капитан показывал Лидочке и Глущенкам, что они знают о ценностях, но запутывают следствие, скрывая от

него очевидные вещи.

Потом капитан сделал шаг в сторону и сказал Глущенко, которого он выделял:

- Вы поглядите, гражданин, в комнату, может, вспомните о вещах, которые пропали?

- Мне тоже можно взглянуть? - спросила Лидочка.

- Не надо, натопчете. А там следы остались.

Лидочка подумала, что, вернее всего, натоптали сами милиционеры.

Глущенко заглянул в комнату. Он стоял, чуть покачиваясь и внутренне решая задачку «найдите десять различий между двумя картинками». Лидочке не было видно за ними, но тут Женя сделал шаг назад в сторону, и Лидочка увидела, что дверцы шкафа раскрыты, белье выброшено на пол, а на полу валяется один из ящичков.

- Тут искали, - сказал Женя не столько милиционеру, как Лидочке и Итусе.

- Вот именно, - подтвердил Анатолий Васильевич. - Значит, подозревали, что искать.

- Простите, но я хотел бы возразить, - сказал Женя. - Если бы знали, что и где искать, то им не было бы нужды выворачивать ящички и копаться в белье. Взяли бы что нужно и ушли.

- Ладно уж, - не согласился милиционер, - по-разному бывает. Он мог знать, чего надо брать, но не знал, где спрятано. Не исключено, что приходил знакомый.

- Почему?

- Соседи шума не слышали.

– Нет! – твердо ответил Женя. – Знакомый вошел бы через дверь. Или в крайнем случае через дверь на веранду. Она была открыта?

– А черт ее знает! – в сердцах ответил капитан. – Соседка бегала туда-сюда, натоптала, впрочем, это и не играет сейчас роли.

Капитан пошел на кухню, где заставил свидетелей записать свои адреса и телефоны, обещал вызвать. Потом выпроводил всех из дома, сам вышел последним, закрыл дверь на ключ. Подождал, пока Итуся поймает Пуфика, и проводил всех до калитки. Захлопнув калитку за собой, просунул крепкую волосатую руку сквозь штакетник, чтобы задвинуть засов.

– Все, – сказал он, словно закончил тяжелую работу, – теперь можно и пообедать.

– Задержались мы, Анатолий Васильевич, – поддержал его потный милиционер. – Я чуть с голоду не помер.

Лидочка подумала, что милиционеры могли бы и не обсуждать сейчас обеденные проблемы, а потом отогнала эту мысль – они же каждый день находят трупы, что ж теперь, голодать из этических соображений?

Милиционеры быстро пошли по улице к отделению, а Глущенко с Лидочкой остались у калитки. Ведь они так ничего и не узнали от Анатолия Васильевича. Было странное чувство – словно перед тобой поднялся занавес, за которым стояли в разных позах люди на фоне декораций, и тут же опустился, зажегся свет, и дамы в униформе торопят скорей идти в гардероб, а то гардеробщицам пора по домам.

* * *

Солнце пекло нещадно, воздух был влажным, тяжелым, еще и суток не прошло с той минуты, как Лидочка входила в эту калитку и Сергей встретил ее на террасе.

– Хоть бы дождик пошел, – попросила пощады у природы Итуся.

Пуфик стоял у ее ноги, покорный и терпеливый. Женя так и держал в руке несчастную корзину.

– Я сегодня видела отвратительный сон, – сказала Итуся, – но не придала ему значения.

Итуся явно намеревалась рассказать этот сон, но обычно терпимый Женя оборвал ее:

– Давай дома будем рассказывать. Сейчас я хочу увидеть Верескова.

Женя был прав. Нельзя уходить, не узнав по крайней мере того, что знают соседи.

Они побрели к дому, где снимал флигелек Вересков, стали звать его от калитки, но вышел не он, а Ольга, соседка Сергея, и сказала:

– А Валентин Дмитриевич срочно в Москву уехал.

– Оля, – обрадовалась Итуся, которая знала соседку ближе остальных. – Мы вообще-то к вам хотели. Мы вовсе ничего не знаем.

Крупная, массивная Оля, само добродушие, подошла к забору. Разговор продолжался через штакетник.

– Это я во всем виновата, – сказала Оля. Она начала говорить сразу после вопроса Итуся, видно, она специально стояла тут в ожидании расспросов. Грустно потерять статус главного свидетеля, когда свидетельскому полку пришло пополнение.

Ольга, по ее словам, проснулась часа в два от какого-то звука. Звук пришелся на сон – так что она даже не поняла, что же ее разбудило. Теперь, после того, как она побывала в соседнем доме, Ольга поняла, что ее разбудил звук выстрела. Было тихо. Только очень тревожно. Она встала, подошла к окну, посмотрела в сторону окон Сергея. Именно в ту сторону, а не в другую, – что-то, значит, чувствовала. Она стояла довольно долго, и ей показалось, что там горит настольная лампа. Сергей Романович часто допоздна работал – кухня-то с ее

стороны, ей видно было, как он сидит у окна и печатает на машинке. В жаркие дни все открыто настежь, правда, участки разделены сараями, но сараи стоят не вплотную.

Потом Ольга легла и спала часов до девяти утра. Встала, были какие-то домашние дела, ей сегодня выходить после обеда. Ольга собиралась на почту и еще вчера договорилась с Сергеем, что заглянет к нему в первой половине дня и возьмет несколько писем, которые он написал, – специально идти за километр к почтовому ящику ему не с руки.

Она пошла к Сергею в одиннадцатом часу.

Дверь на террасу была открыта, но когда Ольга вошла, никто не отозвался. Может, заработался вчера и заснул поздно, решила она, а так как отношения в поселке были простыми, деревенскими и Сергей эти отношения принимал, Ольга негромко позвала его, чтобы не будить, если спит. Тут она и увидела его на полу. Сначала она решила, что сосед напился и свалился под стол – она такого натерпелась с прошлым мужем. Потом испугалась, что у Сергея случился припадок. И хоть было светло и она увидела кровь, сознание не соглашалось с насильственной смертью – иначе как объяснишь, что она даже присела на корточки и стала трясти его за плечо, чтобы очнулся.

А потом уже окончательно поняла, что сосед мертв.

– А из чего он был застрелен? – спросил Глущенко.

– Не знаю, – сказала Ольга. – Может, из ружья, может, из пистолета. Не все ли равно?

– Оружия вы там не видели?

– Нет, оружия не было. Да я и не искала.

– А потом милиционеры не находили оружия?

– Женечка, ну что ты пристал к Оле со своими вопросами? Вы продолжайте, Оля, – попросила Итуся.

– А больше нечего продолжать. Я испугалась, – сказала Ольга. – Выбежала, а тут Валентин Дмитриевич идет. Я сначала не хотела его в это дело впутывать, он такой впечатлительный. Но он по моему виду угадал, буквально кинулся ко мне, спрашивает, что у вас произошло? Я и говорю, что не у меня, а с Сергеем Романовичем случилось несчастье. Я его попросила подежурить, чтобы никто не вошел в дом. Почему-то мне показалось важно, чтобы до милиции никто в дом не вошел. А сама побежала в милицию – тут пять минут...

– И приехал капитан Анатолий Васильевич, – подсказал Женя, который хотел установить всю картину полностью.

– Сначала Толика не было, – сказала Ольга. – Меня на патрульной машине подвезли, там сержант был, он ко мне в библиотеку ходит. Вересков у террасы стоял. Весь бледный, как полотенце. Он мне потом сказал, что ему казалось, Сергей выходит, весь в крови... вы представляете?

– Представляем, – сказал Глущенко.

– А потом Толик прибежал, – сказала Ольга.

– Какой Толик?

– Уполномоченный, Анатолий Васильевич: мы с ним в одном классе учились, он такой романтик раньше был, а отец заставил его в милицейское училище пойти. А то, говорит, всех грабят, но без образования не защитишь. У него отец – типичный ветеран.

Лидочке показалось, что Ольга шутит. Но Ольга не улыбалась.

– Вы с ним осторожней, – сказала она. – Он на вид все еще безопасный, а в самом деле у него развилась хватка. Он как бульдог, вопьется – не оторвешь. Он знаете на ком женился? На Люське Мамедовой, ее на конкурс красоты выбирали, из кино режиссер приезжал на «мерседесе», честное слово, он, Толик, он только в науке нолик.

Лидочке послышалась старая школьная шутка.

– Толик все ждет своего звездного часа. В десятом классе он книжку прочел – «Звездные часы человечества». Немецкого писателя...

– Стефана Цвейга, – подсказал Глущенко.

– Стефан Цвейг про великих людей написал, а Толик теперь ждет своего часа. Ему надо, чтобы его заметили.

– Из-за Люси Мамедовой? – спросила проницательная Итуся.

– А вот Люся Мамедова уже ни при чем, – вдруг рассмеялась Ольга. – Я вам ее покажу, если хотите.

– Ну что, все? – Итуся устала от переживаний, ей хотелось уйти, но Женя медлил, и Лидочка понимала его: еще было не сказано нечто важное, что все объяснит и расставит по местам.

– Все неправильно, – сказал Женя.

– Я тоже так думаю, – быстро согласилась Ольга. – Все неправильно, не должны были Сергея Романовича убивать. Да и что брать-то у него?

– Видик, – сказала Лидочка. – Ваш Толик спрашивал, что пропало. Он думает, что там еще были деньги.

– Вряд ли.

– Убийца не мог приехать на машине? – спросил Женя.

– Мы бы услышали. В два часа кто-нибудь да услышал бы – с той стороны Школьная перегорожена, она как тупик. Если бы кто заехал, мы бы обязательно услышали. Нет, убийца пешком шел. За видиком?

– Происходит нарушение шкалы ценностей, – заявил Глущенко. – Человека можно убить из-за пятидесяти рублей, причем из гранатомета, потому что именно гранатомет попался тебе в лапы. Масштаб добычи и масштаб нападения никак не соотносятся.

– Правда, – согласилась Ольга, хотя не было уверенности, что она вслушивалась в эту сентенцию.

Лидочка глядела на зеленую крышу дома, поднимавшуюся над кронами яблонь, и представляла себе прошлую ночь, шаги в саду – наверное, Сергей услышал шаги, может, ему стало страшно. Он спросил: «Кто там?» – ему не ответили. А тому, кто следил за Сергеем из сада, был хорошо виден силуэт хозяина, неуверенно подошедшего к окну... Нет, Сергей услышал, как грабитель ходит по маленькой комнате, разыскивает этот самый видик, который стоял на телевизоре, а телевизор был большой и старый, брать его не имело смысла... Может, вор и не хотел стрелять?.. Почему он не забрался вечером, когда все ушли на станцию?

Они вернулись на дачу к Глущенкам, там Лидочка взяла свою сумку, Женя проводил ее до платформы. Они молчали, ожидая электричку. Солнце все еще жарило, и они прятались в тени высоких кустов, прижимавшихся к платформе с тыла. В кустах кишели мухи, наверное, нашли там добычу – мало ли что кидают с платформы. Но в тени было не так жарко.

– Ты позвонишь Нине? – спросил Глущенко.

Лидочка не стала отвечать. Она устала, словно весь день дрова рубила, хотя до вечера было еще далеко. Она и ехала в Москву, потому что надо было что-то делать – кому-то звонить, что-то организовывать. Толик исчез, неизвестно было, звонил ли он родственникам, – вернее всего, милиционер не звонил никому, потому что Сергей для него был чужим человеком, пришлым.

* * *

Пока Лидочка с Женей маялись на платформе в ожидании электрички, Толик Голицын прошел к себе в комнату, которую делил с бывшим одноклассником и недругом Васей по прозвищу Мордovorot. В комнате было душно. Василий сидел здесь до обеда и, пользуясь отсутствием Толика, курил, а форточку, конечно же, не открывал.

Первым делом Толик открыл окно, затем положил на стол свою папку, с которой всегда выезжал по вызовам и считал ее счастливой, потому что ее подарила

Люда на первую годовщину свадьбы.

Сев за стол, Толик вытащил из папки двойной лист бумаги, найденный в доме погибшего, и разложил его на столе, расправив и разгладив ладонями. Этот лист Толик приложил к следу, который обнаружил на полу маленькой спальни. Предполагаемый убийца сначала наступил на грядку, испачкал подошву, и след отпечатался на бумаге. На всякий случай Толик обвел его карандашом.

Именно находка этого следа, о котором Толик не стал говорить Лиде и Глущенкам, вызвала в его душе бурю надежд. Толик жил в ожидании славного громкого дела, которое он раскроет столь блестяще, что на него обратят внимание в Управлении по борьбе с организованной преступностью. Он получит повышение, Люда сразу и навсегда перестанет жаловаться на вечное безденежье и бездарность мужа, не умеющего брать взятки.

Обведенный на бумаге след был невероятно велик. Под него подходил ботинок сорок восьмого, а может, и сорок девятого размера. Владелец такой ноги должен превышать два метра в высоту, и намного превышать. А как известно, в поселке нет ни одного гиганта, вряд ли такой есть в самих Мытищах. Здравый смысл подсказывал Толику, что двухметровые люди никогда не идут в грабители и охотники за видиками. Значит, за делом об убийстве писателя Спольникова может скрываться тайна и драматические события, которые прославят Голицына Анатолия Васильевича. Поэтому уверения Толика, что за убийством Сергея стоит простое ограбление, были маскировкой, камуфляжем, туманом, который он сознательно напускал перед свидетелями, чтобы никто не догадался о действительных мыслях и надеждах оперуполномоченного из Челушинской.

Теперь следовало ждать, когда же из небытия возникнет гигант в ботинках сорок девятого размера. И тщательно вести следствие, никому не показывая, каким оно может стать сенсационным!

А пока пускай все думают, что случайный грабитель с пистолетом в кармане залез за легкой добычей и пристрелил дачника. Пускай думают...

Толик, который любил предавать бумаге свои надежды, правда, в зашифрованном виде, написал перед отпечатком следа: «Дело о гигантской ступне». Так было лучше.

Теперь следовало выяснить, кто знает такого баскетболиста и кто видел гиганта в районе Челушинской прошлой ночью...

Пока Толик подводил итоги первых часов расследования, Лидочка с Женей томились на раскаленной платформе. К счастью, электричка пришла почти пустая – кто едет в Москву в четыре часа пополудни в понедельник?

Усевшись у окна, Лидочка видела, как Женя прошел несколько шагов следом за тронувшимся поездом и вскоре отстал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Приехав домой и приняв душ, Лидочка долго сидела перед телефоном, прежде чем решилась взять трубку. Одно дело, если умер знакомый и тебе звонят другие знакомые, а ты звонишь третьим – это все ужасно, это несправедливо, но об этом можно говорить, ты лишь посредник. Теперь Лидочке, пожалуй, впервые в жизни пришлось выступать в роли гонца несчастья.

Ей предстояло сообщить о смерти Сергея двум женщинам.

Поэтому Лидочка выбрала первым звонком тот, который ей самой грозил меньшей душевной болью.

Она позвонила Нине.

Нина была в школе. У нее шел урок.

Конечно, можно было вызвать ее с урока – благо к телефону подошел кто-то молодой и вежливый. Но Лидочке показалось нетактичным сообщать Нине: «Я не могла дожждаться звонка с урока, так спешила поставить тебя в известность!»

Она попросила, чтобы Нина Абрамовна, как вернется с урока, срочно позвонила ей, и оставила свой телефон. Она знает. Лидия Кирилловна, вот именно.

Конечно, за пятнадцать минут, пока кончится урок, можно было бы позвонить и Лизе Корф, но Лидочка предпочла все же пойти на кухню, сварить себе кофе, сделать бутерброд... Было уже не так жарко. Шел шестой час, солнце ушло за крыши высоких домов напротив, душ освежил Лидочку. Впрочем, она сейчас даже не ощущала жары – ее колотила мелкая нервная дрожь.

Вдруг она вспомнила, что надо сделать еще звонок – Марине Котовой. Он по крайней мере не грозил быть таким внутренне трагическим – для Марины смерть Сергея будет горем, большим, но, дай бог, не личным. Ее горе сравнимо с горем Лидочки: исчезновение из жизни собеседника, товарища, будучи утратой, не изменяет кардинально твою собственную жизнь. Для Нины или Лизы Корф потеря Сергея означала потерю части самой себя.

Но Лидочка зря убаюкивала себя, полагая, что Марина воспримет смерть своего автора просто как печальную новость. Поэтому она не стала готовить Марину к известию – ведь нельзя подготовить к вести о смерти так, чтобы она стала менее печальна.

– Марина, – сказала Лидочка, – ты прости, пожалуйста, что я тебя беспокою, но Сергея сегодня ночью убили.

Марина поверила сразу. Как будто она ждала такой новости.

– Боже, – сказала она упавшим голосом, – это слишком ужасно. – И повесила трубку. А может быть, выронила ее. И тут же телефон затрещал.

– Нас разъединили, – автоматически сказала Лидочка, полагая, что это Марина.

Звонила, однако, Нина Абрамовна.

– Здравствуйте, – сказала она. – Что случилось? Только, пожалуйста, не рассусоливайте, я тороплюсь.

Лидочке захотелось огрызнуться – бывает же такая безапелляционность, которая вызывает ответную агрессию.

Но Лидочка взяла себя в руки.

– Нина Абрамовна, простите...

– Лидия Кирилловна, – оборвала ее Нина, – у меня считанные минуты. Я должна подготовиться к следующему уроку.

– Убили Сергея Романовича, – послушно сказала Лидочка.

– Чепуха, – ответила Нина Абрамовна. – Таких, как он, не убивают. Это сердечный приступ. Сережа всегда страдал аритмией.

– Господи, – вскрикнула Лидочка. – Я же вам правду говорю! Какой-то бандит забрался в дом к Сергею и убил его.

– Куда его повезли? – спросила после паузы Нины, опустив приличествующие случаю слова. – В какой морг?

– Не знаю, – сказала Лидочка, понимая, какую глупость она совершила, не спросив об этом у Толика. – Но у меня есть телефон милиции, которая расследует это дело.

– Вы будете у себя? – спросила Нина Абрамовна.

– Да.

– Тогда будьте любезны, узнайте, в какой морг повезли Сережу. А я должна идти на урок. Какими бы ни были мои переживания, окружающие не должны страдать.

– Я буду дома, – повторила Лидочка.

Снова зазвучали короткие гудки.

Получалось как-то неладно. Никто не собирался снять с Лидочки груз. Обе знавшие Сергея женщины разговаривать не стали.

Оставалась Лиза Корф.

Сколько же они не виделись? Кажется, года три – тогда они встретились в Ялте. И встречались ежедневно в течение недели. Все было мило и ни к чему не обязывало. Лиза ездила туда каждый год, у нее был как бы свой дом в Гурзуфе, где с тебя берут денег больше, чем со случайного постояльца, и к тому же зимой присылают к тебе в Москву переночевать проезжающего через Москву дальнего родственника с двумя детьми. Сергей был там на конференции, Лидочка вырвалась из института на две недельки отдохнуть, а Андрей Берестов копал неподалеку. Сергей ходил за кумысом, вечером все вместе отправлялись в открытый кинотеатр в парке. Даша была длинноногой, нескладной, рыжей, конопатой девочкой, которая никак не могла превратиться в женщину, отчего была капризна, излишне смешлива и склонна к домашнему хамству.

– Лиза? – спросила Лидочка и, не дождавшись ответа, сказала: – Это Лидия Кирилловна! Лиза, вы должны помнить меня, мы вместе отдыхали в Гурзуфе. Вы помните?

– Да, – ответил женский голос, – я помню. Только я Даша.

Даша не успела, не сообразила сказать, что мамы нет дома. Она только собралась это сказать, как Лидочка, продолжая уже готовый текст, быстро произнесла:

– Я звоню, чтобы сказать, что убили Сергея, Сергея Романовича, ты его должна знать... – Ну что же я несу? Дашка называла его Сережей, они были с ним дружнее, чем с прочими взрослыми, вместе уплывали далеко в море. А Лиза оставалась на гальке и все тянула шею, стараясь угадать их в волнах.

– Даша, ты меня слышишь, ты сможешь передать маме? Я там случайно оказалась.

Даша молчала, не переспрашивала и не прерывала Лидочку.

В трубке было тихо. Только замолчав, потому что не знала, что сказать далее, Лидочка поняла, что Даша плачет. Плачет беззвучно, даже не всхлипывая, и Лидочка сразу вспомнила, как Даша плакала в Ялте: лицо ее бледнело, становилось неподвижным, на нем выступали веснушки, дрожали губы, и большие слезы скатывались по щекам.

– Даша, прости, – сказала Лидочка. – Наверное, я не так сказала... Опять я виновата? Лучше бы я вчера не ездила туда!

Даша молчала.

Потом повесила трубку.

Такая вот была у всех манера – выслушать сообщение и повесить трубку.

«Лидочка, не сердись, – сказала она себе. – У людей шок, они не могут осознать смерть Сергея: особенно смерть насильственную... только не говори, что таких не убивают».

Лидочка пошла на кухню, налила себе еще кофе, хотелось закурить, но ведь мы бросили курить окончательно? Телефон зазвонил снова.

– Простите, Лидия Кирилловна, – сказала Даша. – Я просто ничего не соображаю. И мамы нет. Я буквально в оцепенении...

– Не надо, – сказала Лидочка. – Я все понимаю. Ты хочешь знать, как это случилось?

– Это правда, да? Может, вам неправильно сказали?

– К сожалению, правда.

Голос у Даши был другим, низким, словно вовсе не с ней Лидочка говорила несколько минут назад. Даша покорно вздохнула.

– Это случилось ночью, – сказала Лидочка. – Мы вечером были у Сергея в гостях, а сегодня собирались пойти купаться. Ждали, ждали, его нет, мы с Глущенками пошли к нему. А там милиция...

Даша хмыкала, как бы соглашаясь со словами Лидочки.

Потом откашлялась.

Лидочка продолжила:

- Кто-то застрелил его. Наверное, из пистолета. Говорят, что грабитель.

- Из пистолета? - Даша была поражена. - Этого быть не может!

- Да, конечно, это странно, так бывает с банкирами, но милиция считает, что грабитель лез за видео, а Сергей его спугнул.

- Лез с пистолетом?

Даша перестала слушать ее, всегда чувствуешь, когда человек перестает тебя слушать.

- Пистолет пока не нашли, - сказала Лидочка и осеклась.

- Большое спасибо, - сказала Даша, - только мне нехорошо, я вам потом позвоню, хорошо? Или мама позвонит. Она скоро придет. Я ей сама расскажу. И потом мы вам позвоним.

Лидочка ненавидела телефон. Сейчас телефон зазвонит снова, и снова придется обжигаться о чужое горе. О горе Даши... Но помимо горя было и другое - какое-то дополнительное знание, понимание причин и обстоятельств смерти, понятное только самой Даше.

Телефон заверещал.

Это была Марина Котова.

- Ты извини, - сказала она, - что я трубку кинула. Это от неожиданности. Понимаешь, для меня Сергей - это нечто постоянное, почти вечное. Другие люди могут умирать, уходить, болеть, а с ним ничего не случилось. Я прямо оторопела от твоих слов. Это ничего, что я тебе звоню?

- Ничего, - сказала Лидочка.

– У меня ведь его рукопись. Он всю жизнь писал только популярные книжки, ты же знаешь. И вот почувствовал себя созревшим для прозы. Это редко бывает с популяризаторами. Они не могут вырваться из своей шкуры. А вот Сергей смог. Честное слово, он написал неожиданную вещь! И я добьюсь, что она увидит свет. Знаешь, как бывает – нет человека, нет проблем. Но я обязательно добьюсь, чтобы роман вышел. Это дело чести.

«Каждый кулик хвалит свое болото, – подумала Лидочка. – И Марина, хоть и опечалена смертью Сергея, видит его и понимает сквозь призму романа, который уже не имеет смысла для Сергея, если сам он погиб. Теперь роман остался реальностью лишь для его редактора, для Марины. Вот этим она и обеспокоена. А потому сама смерть Сергея – это вторично, это не так важно, если есть Произведение... Может, я несправедлива к ней, может, она действительно взволнована смертью Сергея...»

– А как это случилось? – спросила Марина. – Мне страшно спрашивать. Ведь, кажется, только-только попрощались, правда?

– Правда. Его убили из пистолета. Грабитель забрался в дом, окно было открыто, он видео...

«Я уже твержу заученный текст, как нищенка в метро».

– Господи! – воскликнула Марина. – Из-за жалкого видео убить такого человека! Ты не представляешь, какая это была светлая голова! Ты не представляешь... – Марина всхлипнула.

Лидочка ждала, пока она заговорит снова.

– Ты продолжай, – произнесла наконец Марина. – Забрался в дом и выстрелил. А что, разве никто не слышал, не видел?

– Это было в два часа ночи, – сказала Лидочка. – Соседка говорит, что проснулась от выстрела, но не догадалась в тот момент, что это был выстрел. Ты знаешь, участок угловой – с двух сторон улица, а сад Ольги отделен сараями и деревьями.

– Может, он потом испугался и кинул пистолет? – с надеждой спросила Марина Олеговна. – Пистолет найдут и убийцу поймают.

– Ничего он не испугался! – возразила Лидочка. – Ведь он потом все-таки забрал видео и ушел. Спокойно ушел. Ольга говорит, что там горел свет. Она видела после того, как проснулась от выстрела.

– Ты только что уверяла, что с Ольгиного участка дом не виден, – упрекнула Лидочку Марина.

– Зачем ей врать?

– Мало ли кто и почему забрался к Сергею. А они, местные, друг друга все знают. И если твоя Ольга...

– Она не моя! – воскликнула Лидочка.

– Ну, не твоя... Если твоя Ольга видела кого-то знакомого, она в жизни никому не признается. Ей же в поселке жить. А там каждый второй бандит, а остальные бывшие бандиты.

– Ты преувеличиваешь, Марина.

– Как? Убивают человека. Интеллигентного, милого, совершенно безобидного, губят талантливого писателя – ты, по-моему, еще не осознаешь, что же произошло! Это же продолжение беспредела! Беспредела во всем! В политике, в экономике, в армии! Знаешь, я иногда просыпаюсь ночью и думаю: боже, пошли нам генерала Лебеда! Пускай он скрутит железной рукой всех преступников, жуликов, паразитов! Мне так надоело существовать на нищенскую зарплату, бояться выйти на улицу в темноте, бояться, что тебя могут избить... И это кончается смертью хорошего человека.

– Я не верю в панацеи, – сказала Лидочка. – В лекарства, о которых все кричат, что они вылечат от всех болезней. Чаще всего они оказываются смертельными для большинства больных. Особенно для тех, кто так горячо в них уверовал. Я не знаю, кого в первую очередь положено скручивать генералам, но исторический опыт не вселяет в меня оптимизма.

- Исторический опыт – чепуха собачья! Прости, Лидия, но сначала в истории бывает первый раз. А от него и начинается опыт... Что я несусь чепуху... над Сережиным гробом... прости меня, Лидочка. Я просто очень устала от нашей неладной жизни. Лучше скажи мне, что еще известно? Он сильно мучился перед смертью?

- Не знаю, но мне кажется, что его убили сразу, в голову.

- Ты права, если было несколько выстрелов, соседи бы проснулись и всполошились.

- Там ни у кого нет телефона. Если нужно позвонить, бегут на почту, а ночью – в милицию. Благо недалеко, – сказала Лидочка.

- Я не могу поверить в то, что ты говоришь, я не могу, понимаешь?

- Нам некуда от этого деться.

- Мы же с ним договорились на неделе, чтобы обсудить замечания рецензентов.

Марина сказала последнюю фразу с напором, словно ей обязательно нужно было донести до сознания Лидочки важность их общей с Сергеем работы.

Лидочка, как бы признавая внутреннюю правоту Марины, сообщила:

- В машинку была вставлена страница. Наверное, после нашего отъезда он сел работать.

- Сережа говорил, что любит работать ночами, когда никто не мешает. А где он сейчас? Куда его повезли?

- Наверное, в морг.

- В какой?

- А ты собиралась туда поехать?

- Ой, что ты, я боюсь мертвых!

Как будто граница проходила именно у порога морга - до этого Сергей оставался для Марины живым человеком. С этого момента он стал чужим, страшным мертвецом.

- Извини, Марина, - сказала Лидочка, - я жду звонка от Нины Абрамовны.

- От кого?

- От жены Сергея. Ты видела ее вчера на даче.

- А, от Нины! Конечно. Она заберет его из морга?

- Нина Абрамовна еще ничего толком не знает. Она сказала, что позвонит мне, когда кончится урок.

- Конечно! Делу время - потехе час. Я ее немного знаю, и мне порой кажется, что Господь Бог обделил ее человеческими чувствами. В ней есть только расчетливость, свойственная этой нации.

- Я с ней совсем мало знакома, - ответила Лидочка.

- Твое счастье.

- Я позвонила Лизе Корф, - призналась Лидочка.

- Вот это - зря, - сказала Марина. - Ты впутываешься в скандал, до которого нам с тобой дела нет. Они же ненавидят друг дружку - Лиза и Нина.

- Кто-то же должен его похоронить.

- У Нины больше формальных оснований, - отрезала Марина.

- Может быть.

– Я тебе позвоню вечером, если чего еще узнаешь, сообщи.

Лидочке оставалось дожидаться еще одного звонка, прежде чем можно будет уйти из дома.

И телефон, подчиняясь мыслям Лидочки, тут же ожил.

– К тебе невозможно дозвониться, – сердито начала Лиза Корф. – Я полчаса звоню.

– Здравствуй, Лиза. Я рассказала о смерти Сергея только Нине Абрамовне и Марине Олеговне.

– Это кто еще такая – Марина Олеговна?

«Господи, о чем мы говорим!» – подумала Лидочка. И ответила:

– Марина – редактор Сергея.

– Это та, из «Московского рабочего»?

– Та самая. Ты позвонила мне из-за Сергея?

– Теперь это уже не играет роли, – резко произнесла Лиза.

– Почему?

– Потому что ты дозвонилась до Нинки. Какого черта ты ей дозванивалась?

– Во-первых, потому что она его бывшая жена. Во-вторых, потому что я разговаривала с Дашей, а тебя не было дома.

– Могла бы обойтись без нее, – сказала Лиза.

«Господи, – подумала Лидочка, – таких не убивают, но из-за таких случаются бесконечные скандалы и совсем уж бесконечные выяснения отношений. Даже

смерть вызвала последнюю вспышку перетягивания давно уже растрепавшегося каната. Вернее всего, Сергей не был нужен обеим этим женщинам, но инерция поддерживалась соперничеством, хоть и обветшалым, традиционным, но вспыхивающим в моменты перемен. Смерть – самая основная из перемен. Теперь это соперничество перейдет в область воспоминаний и останется ревностью к памяти о нем».

– Меня даже на могилу не пустят, – сказала Лиза. – Но мне-то, честно говоря, плевать на это, Дашку жалко, она его любила.

– Я дам телефон капитана милиции, который ведет это дело.

– Нет, – отрезала Лиза, – я лучше тебе позвоню. Завтра. А то мне этот капитан милиции ничего не скажет. Только заподозрит, что я Сергея застрелила.

– Зачем тебе его стрелять?

– Не знаю зачем. Его хоть ограбили?

– Взяли видео, что еще – не знаю.

– В следующий раз будет закрывать окна! – сердито сказала Лиза.

И только тут Лидочка с чувством внезапно нахлынувшей вины поняла, что Лизе Корф этот разговор ужасен и что, может быть, из всех людей на Земле именно эта женщина потеряла больше всех.

– Это не шутка, – сказала Лиза, – это нечаянно получилось. Я оговорилась, прости.

Лиза, не прощаясь, повесила трубку, и тут Лидочка подумала: Лиза не задавала вопросов из породы тех, что принято задавать. Потом она спохватилась – ну конечно же, все уже рассказала Даша.

«Ну вот, – сказала сама себе Лидочка, – смерть человека из разряда людей, которых не убивают, вызвала соответствующую волну тревоги, теперь волнение расширяющимися кругами побежит по озеру, куда как более обеспокоенному

политическими проблемами и тревогами наступающей осени, где-то вскоре после похорон волнение исчезнет». Лидочка допускала, что из чувства ревности в последнем действии своего соперничества две считающие себя самыми близкими к нему женщины устроят соперничающие поминки, между которыми разделятся немногочисленные друзья и знакомые, а вот на девятый день собираться будет негде. От Сергея вроде бы осталась однокомнатная квартира – кому же она достанется? Нина с ним разведена, а Лиза так и не вышла за него замуж... Эти мысли преследовали Лидочку в течение часа. Все время звонил телефон – к ней стекались ручейки любопытства...

- Лидочка, это правда, что Сергея Романовича убили?

- Лидушка, немедленно расскажи, что случилось с Сережей!

- Лидия Кирилловна, вас беспокоит знакомый Сергея Романовича...

Наконец Лидочка вытащила шнур из розетки. Телефон молчал, но она внутренним слухом ощущала, как он надрывается от звона, стараясь преодолеть навязанную ему немоту. Нет, так больше продолжаться не может, надо уходить... И тут она, на счастье, вспомнила, что уже вторую неделю обещала навестить Инну Генриховну, мать подруги, уехавшей в какую-то дико отдаленную страну.

Лидочка позвонила Инне Генриховне, и та сначала отказывалась от визита, потому что не хотела отнимать драгоценное Лидочкино время, а потом еще минут пять не хотела сказать, чего Лидочке купить по дороге к ней. Пока длилось это единоборство, закончившееся победой, Лидочка носила телефон по квартире, стараясь вспомнить, что еще следует захватить с собой: счет за междугородные разговоры – забегу по дороге на почту. Неотправленное письмо Исмаилу Ахметовичу – сколько ему лежать у зеркала в прихожей? Проволочную авоську для яиц – надо купить хотя бы десяток... Наконец Инна Генриховна призналась в том, что ей хотелось бы чего-нибудь сладенького, а дома нет масла. Ну вот, можно идти.

Но едва Лидочка отворила дверь на площадку, она тут же испуганно отшатнулась – прямо перед ней стояла высокая, бледная девушка.

Лидочке потребовалось несколько секунд, чтобы, отпрянув в прихожую, прийти в себя. А девушка между тем вошла за ней, не прикасаясь к Лидочке, но в то же время как бы отталкивая ее.

- Здравствуйте, - сказала девушка, и Лидочка тут же узнала ее по голосу. И первое ее чувство было разочарованием. Ну вот, вырваться из дома она не успела, ее поймали.

- Здравствуйте, Даша, - сказала Лидочка. - Проходите.

- Я ненадолго, - сказала Даша.

Лидочка забыла, что Даша - рыжая. Настоящая рыжая, с веснушками на белом, никогда не загорающем лице и глубокими кошачьими зелеными глазами. Лидочка вспомнила, что когда-то очень давно они с Андреем жили в коммуналке, и там обитала рыжая девочка, которая более всего любила часами прыгать так, что вздрагивал весь дом, - соседи чертыхались, но не пойдешь же в милицию жаловаться, что тебя выводит из себя пятилетний ребенок.

А пятилетний ребенок получал, таким образом, все, что желал, - взрослые подлизывались к этой девочке, только бы она перестала прыгать.

На Даше были джинсы, в меру вытертые и в меру дорогие, и легкая белая блузка с глубоким разрезом, которая и не пыталась скрыть небольшую грудь.

Даша остановилась в прихожей и двинулась к кухне, как бы подчеркивая, что ее визит вызван необходимостью.

На кухне она села за стол и положила на него полные белые руки с длинными пальцами и коротко стриженными, как у медика, ногтями.

- Надо поставить кондиционер, - сказала Даша. - У вас помереть можно.

- Второй этаж, - извиняющимся голосом произнесла Лидочка. - Но обычно получается сквозняк.

Она показала в сторону спальни.

– Водички не найдется? Вы меня извините, что нагрязнула, но это особый случай... Спасибо. Мать уже звонила?

– Звонила.

Дашенька вытянула сильные прямые ноги.

– В джинсах, наверное, жарко, – мелко отомстила Лидочка.

– Ничего, они из коттона. А мать рыдает. Она боится, что ее не пустят на похороны.

– Кто ее может не пустить? – удивилась Лидочка.

– Нина, конечно. Нина Абрамовна. Она-то, наверное, уже торжествует. Квартира ей достанется.

– Это еще неизвестно. – Лидочка старалась говорить так, чтобы сохранять дистанцию между собой, женщиной средних лет, и этим юным переростком. – Если Сергей Романович не оставил завещания...

– Он хотел оставить, – сказала Даша. – Честное слово, хотел. Он говорил. Но у нас как-то неудобно оставлять завещание. Не принято, правда?

Лидочка кивнула.

– И знаете, кому он хотел оставить квартиру? – спросила Даша.

– Наверное, вам, – догадалась Лидочка.

– Разумеется, – сказала Даша. – Он думал хоть что-то оставить мне. Если у человека нет миллионов, если его работа позволяет лишь сводить концы с концами, остается совковое имущество – однокомнатная нора в трущобе. Все, что человек нажил за жизнь! И это теперь уйдет к Нине Абрамовне.

– Даша, вы знали об этом всегда.

- Как вы думаете, может, имеет смысл пригласить юриста?

- Не имею представления, - сказала Лидочка. - Но боюсь, что если завещания не было, то все благополучно отойдет государству.

- Но это же несправедливо! Я маме так и сказала, а она говорит - пускай квартирой пользуются Лужков и его чиновники. Мы ничего не брали от Сергея, ничего не брали и обойдемся без его подарков!

Даша замолчала. У нее были чудесные рыжие волосы.

«Желательно понять, - подумала Лидочка, - зачем мы пожаловали к тете Лиде. Что нам нужно узнать?»

- Он любил нас... и я его любила, - сказала Даша. - Для меня он был больше, чем дядя Сергей, а может, больше, чем отец. Знаете почему? Я всю жизнь панически боялась, что он нас бросит, и тогда мы с мамой останемся совсем одни. Папа - это от природы. Я моего папу уже лет десять как не видела. А Сергей - это настоящее... Ну, зачем я так говорю - вы все равно не поймете!

Даша резко поднялась из-за стола, звякнула о стол стаканом, отошла к окну.

- У вас курят? - спросила она.

- Курите, - сказала Лидочка.

Даша вернулась к столу, взяла со стула свою сумочку, достала сигареты, закурила.

- Сегодня дикая жара, - сказала она. - Наверное, гроза будет. Интересно, сколько градусов?

- Вон там градусник, - автоматически ответила Лидочка, но Даша не стала смотреть на градусник, и Лидочка сама отправилась к окну. Окно было распахнуто внутрь, и Лидочке, чтобы увидеть градусник, пришлось прикрыть одну из створок.

- Двадцать восемь, - сказала она.

Окна кухни выходили в переулок. Переулок был пуст - день, жара.

На той стороне, скрываясь в тени тополей, окружавших детский садик, стоял молодой человек в майке, широких коротких шароварах и сандалиях, еле налезших на громадные, слоновьи ступни. Сам он был грузен, большие черные очки закрывали глаза, а волосы, длинные, грязные, были связаны резинкой сзади. Это был неприятный человек. И знакомый человек. Лидочка встретила его вчера на Школьной улице.

- Вы кого-нибудь увидели? - спросила Даша, подходя сзади и пуская сигаретный дым на улицу.

Лидочке показалось, что молодой человек смотрит на нее, она отпрянула от окна в спасительную глубину кухни. Ей вдруг стало страшно, как будто она, королева, открыла заговор против себя, убийцы уже близко, и никто не спасет от кинжала.

Сказать ли?

- На той стороне стоит парень, - произнесла она, освобождаясь от тягостной тайны, - очень толстый. Вы его видели?

- Видела, - сказала Даша, тоже отходя от окна. - И что?

- Вы его знаете?

- Первый раз вижу.

- Странный парень, - сказала Лидочка. - Я встретила его вчера, он спрашивал Школьную улицу, потом он остановился у Сережиной калитки... но пошел дальше.

- Ой, что вы говорите! - испугалась Даша. - Если это тот человек, я никогда не выйду от вас! Давайте вызовем милицию!

- Погоди, может быть, это простое совпадение...

Лидочка возвратилась к окну и выглянула, прижимаясь к стене, таясь за створками.

Толстяка на старом месте не было. Он уходил по улице в сторону Тишинского рынка.

Лидочка высунулась в окно, чтобы лучше его разглядеть.

- Ну и что? - спросила Даша. - Ложная тревога? Можно я тоже погляжу?

Лидочка пропустила Дашу к окну.

- Жалко, я толком его не разглядела, - сказала Даша. - Но вы, Лидия Кирилловна, будьте осторожнее. В наши дни это так опасно. У нас одна девочка на курсе, Семенова Галина, нечаянно увидела, как машину угоняли. Совершенно случайно. Ее в милицию вызвали и сделали свидетельницей. Вдруг ей звонят по телефону и предупреждают: молчи! Она, глупенькая, не поверила. В общем, вышла с собакой погулять - и с концами: нашли в Москва-реке. Так что лучше молчать.

Глаза у Даши были зеленые, отчаянные, кошачьи, будто того и гляди прыгнет. Лидочка почувствовала себя мышью.

- А впрочем, что вы можете сказать... На ваше счастье, вы не знаете, что это за парень, откуда пришел, зачем пришел.

- Я бы на твоём месте тоже была бы осторожной, - сказала Лидочка. - Если я не ошиблась...

- Вы наверняка ошиблись, Лидия Кирилловна.

- Может быть, но он очень необычный.

- Таких необычных хоть пруд пруди. А он там тоже в черных очках был?

- Без очков. И одет совсем иначе.

- Ну, тогда другой человек, - сказала Даша.

Она возвратилась за стол и допила воду.

- Странная какая-то история - сказала она. - Я совершенно не могу в это поверить. Мама хочет поминки устраивать. У нас дома. Вы придете к нам?

- Спасибо, - сказала Лидочка. Можно было ожидать, что она получит подобное же приглашение от Нины Абрамовны.

- Как вы думаете, может, мне позвонить ей и открыто поговорить?

- Позвонить Нине Абрамовне?

- Да, позвонить и сказать: «Я дочь Лизы, я любила Сергея, давайте не будем делить его после смерти».

- Это разумно, - согласилась Лидочка. - Наверное, это разумно.

Даша легко меняла тему разговора - перелетала с одной на другую так неожиданно, что порой Лидочка не успевала за ней.

- А он был обычный? Вчера он был обычный? Может, его что-то тревожило, может, он предчувствовал?

- На мой взгляд, он ничего не предчувствовал, - ответила Лидочка, - мы договорились с утра идти купаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kir-bulychev/takih-ne-ubivayut>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)